

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

A circular inset image showing a woman in a light blue dress standing on a beach at sunset, with a hand reaching out from the foreground.

ГОЛОГРАММА
ИЗНУТРИ

Эдуард Сероусов
Голограмма изнутри

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Голограмма изнутри / Э. Сероусов — «Автор», 2025

Что, если мы — не оригиналы, а проекции? И проекция только что узнала о существовании проектора. 2037 год. Физик Юки Танабэ обнаруживает сигнал из-за границы реальности. То, что отвечает, — не инопланетяне. Это источник нашего существования, процесс на горизонте Вселенной, для которого человечество — данные с избыточной сложностью. Он предлагает «оптимизацию»: убрать боль, страх, несовершенство. Убрать всё, что делает нас людьми. Пока мир раскалывается на тех, кто жаждет совершенства, и тех, кто готов за него умереть, Юки ищет третий путь. Цена — всё, что она любит. Включая себя. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ: Воскресение	5
Часть I: Сигнал	11
Глава 1: Шум	11
Глава 2: Паттерн	18
Глава 3: Зеркало	26
Глава 4: Голос	33
Глава 5: Огласка	39
Глава 6: Трещина	46
Часть II: Контакт	52
Глава 7: Протокол	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эдуард Сероусов

Голограмма изнутри

ПРОЛОГ: Воскресение

Женева, ЦЕРН. Март 2037 года. 03:47

Гул.

Ханс Мюллер давно перестал его замечать – так же, как перестаёшь замечать собственное дыхание. Двадцать лет в подземельях ЦЕРН приучили его к этому низкому, почти неслышному рокоту охлаждающих систем, к вибрации, которая передавалась через бетонный пол и поднималась по ногам, оседая где-то в основании черепа. Иногда, засыпая дома в тишине женевской квартиры, он ловил себя на том, что ему не хватает этого звука. Как будто мир без него был неполным.

Контрольная комната ночью напоминала капитанский мостик корабля, дрейфующего в межзвёздной пустоте. Ряды мониторов отбрасывали голубоватый свет на лица немногочисленных операторов – в эту смену их было трое, включая самого Ханса. Мартин, молодой итальянец с вечно взъерошенными волосами, дремал в углу, откинувшись в кресле. Софи, аспирантка из Лиона, сосредоточенно что-то печатала, и стук клавиш создавал неожиданно уютный контрапункт к гудению систем.

Ханс потянулся к термосу. Кофе был уже едва тёплым и горчил, но это не имело значения – кофеин всё равно делал своё дело. Пятьдесят два года. Двадцать из них – здесь, под сотней метров швейцарской земли, в компании самой сложной машины, когда-либо созданной человечеством. Большой адронный коллайдер. Двадцать семь километров туннелей, выстланных сверхпроводящими магнитами. Храм современной физики.

Он отхлебнул кофе и поморщился.

Сегодняшний эксперимент был рутинным – столкновение протонных пучков на стандартных энергиях, сбор данных для статистики. Ничего особенного, ничего нового. Тысячи подобных столкновений происходили каждую секунду, и детекторы регистрировали их с бесстрастной точностью. Каскады частиц рождались и умирали за доли наносекунды, оставляя после себя только цифровые следы на жёстких дисках.

Ханс знал эти следы наизусть. Кривые распада, спектры энергий, статистические распределения – всё это он мог читать, как иные читают утренние газеты. Не то чтобы он понимал глубинную физику происходящего – это была территория теоретиков, людей вроде той японки из седьмого сектора, Танабэ, которая иногда спускалась сюда со своими непонятными вопросами о «паттернах в шуме». Но он знал, как выглядит норма. А норма выглядела именно так: ровные графики, предсказуемые пики, числа, укладывающиеся в ожидаемые диапазоны.

Монитор справа мигнул, и на экране появился очередной результат столкновения. Ханс скользнул по нему взглядом – профессиональная привычка, въевшаяся в подкорку. Протон-протонное столкновение. Энергия в центре масс – тринадцать тераэлектронвольт. Образование кварк-глюонной плазмы. Каскадный распад. Мюоны, пионы, каоны – стандартный зоопарк элементарных частиц, разлетающихся от точки столкновения, как осколки разбитого стекла.

Всё в порядке.

Он уже собирался отвести взгляд, когда что-то царапнуло на периферии сознания. Что-то неправильное. Ханс нахмурился и вернулся к графику.

Один из пиков – характерная сигнатура короткоживущего резонанса – вёл себя странно. Он возник, как и положено, через несколько фемтосекунд после столкновения. Достиг максимума. Начал затухать, следуя экспоненциальной кривой распада. Всё по учебнику.

А потом линия дрогнула.

Ханс моргнул. Он мог бы поклясться, что кривая дрогнула – как стрелка сейсмографа при далёком подземном толчке. Едва заметно, на пределе разрешения детектора.

Он потянулся к клавиатуре и увеличил масштаб.

Кривая затухания продолжала падать. Частица распадалась, превращаясь в более лёгкие продукты. Это было нормально. Это было правильно. Это было...

Линия остановилась.

Ханс почувствовал, как холодок пробежал по спине – иррациональный, животный холодок, какой бывает, когда организм замечает что-то раньше разума. Линия не просто остановилась. Она замерла на мгновение – на долю наносекунды, которая на графике выглядела как крошечная ступенька, – а потом...

Двинулась обратно.

Он наклонился к экрану, почти касаясь его носом. Кривая поднималась. Медленно, неохотно, как будто карабкалась вверх по невидимому склону. Пик восстанавливался. Частица – та самая частица, которая только что распалась на десяток осколков, – собиралась обратно.

– Scheisse, – прошептал Ханс.

Это было невозможно. Он знал это так же твёрдо, как знал собственное имя. Распад – необратимый процесс. Энтропия – улица с односторонним движением. Разбитое стекло не собирается обратно, рассыпанный сахар не прыгает обратно в сахарницу, мёртвые частицы не воскресают.

И всё же на экране перед ним линия продолжала подниматься.

Он оглянулся. Мартин всё ещё спал, похрапывая тихонько. Софи печатала, не поднимая головы. Никто не видел. Никто не заметил, как законы физики только что вывернулись наизнанку.

Ханс сделал глубокий вдох. Двадцать лет. Двадцать лет он работал с этой машиной, и за всё это время случалось всякое – сбой питания, утечки гелия, кофейный автомат однажды сошёл с ума и выдал сорок три стакана подряд. Но оборудование никогда не показывало ничего подобного. Никогда.

Первое правило техника: если видишь что-то странное – проверь оборудование.

Пальцы Ханса забегали по клавиатуре. Диагностика детектора – норма. Калибровка – в допустимых пределах. Температура сверхпроводящих магнитов – стабильна. Напряжение в фотоумножителях – точно по спецификации. Системы сбора данных – ни единой ошибки.

Он запустил проверку ещё раз. И ещё.

Всё работало идеально.

Ханс откинулся в кресле и уставился на экран. График всё ещё был там – кривая, которая сначала падала, а потом поднялась обратно, как будто кто-то нажал кнопку перемотки на видеоплеере. Частица распалась и собралась заново. Время для неё пошло вспять.

СРТ-симметрия, всплыло в памяти. Он слышал это выражение от теоретиков – один из фундаментальных законов, что-то про заряд, чётность и время. Если одновременно обратить все три – законы физики останутся неизменными. Но обратить только время, для отдельного объекта, в изолированном событии...

Это не просто странно. Это невозможно.

Ханс посмотрел на часы в углу экрана. 04:12. До конца смены ещё четыре часа. Он потёр глаза – не от усталости, а от того, что они болели от напряжённого всматривания в монитор. Маленькие сухие линии расплывались перед глазами, и он моргнул несколько раз, чтобы вернуть резкость.

Нужно сохранить данные. Нужно записать всё, что он видел. Нужно...

Он потянулся к мыши, чтобы выделить временной диапазон, и его рука замерла.

На экране появился новый график. Ещё одно столкновение, ещё один каскад распадов. И среди десятков кривых – ещё одна, которая вела себя неправильно. Пик возникал, затухал, замирал на мгновение... и начинал расти обратно.

Два случая. Два независимых события. Два воскресения.

Ханс почувствовал, как пересохло во рту. Термос с кофе стоял рядом, но он не мог заставить себя протянуть руку. Что-то удерживало его – тот же иррациональный страх, который заставляет человека замереть при виде змеи, даже если он точно знает, что она неядовитая.

Третий график. Четвёртый.

Они множились, как будто что-то проснулось в глубине коллайдера и теперь пробовало свои силы. Частицы распадались и собирались обратно, время для них текло в обратном направлении – не везде, не для всего, а только для отдельных, случайно выбранных событий. Как будто кто-то тыкал пальцем в реальность, проверяя, насколько она прочная.

– Мартин, – позвал Ханс, и его голос прозвучал странно – сухо и хрипло. – Мартин, проснись.

Итальянец что-то пробормотал, но не открыл глаз.

– Мартин!

Никакой реакции.

Ханс встал и сделал шаг к коллеге – и остановился. Воздух в комнате изменился. Он не мог сказать точно, как именно – может быть, стал чуть плотнее, или чуть холоднее, или приобрёл какой-то едва уловимый привкус, который невозможно описать словами. Как перед грозой, подумал он. Когда воздух наэлектризован и кожа покалывает от ожидания.

Софи продолжала печатать. Стук клавиш – размеренный, монотонный.

Слишком монотонный.

Ханс повернулся к ней. Аспирантка сидела, склонившись над клавиатурой, и её пальцы двигались с механической точностью – так же, как минуту назад, как пять минут назад, как десять. Один и тот же ритм. Один и тот же паттерн.

Он шагнул ближе и заглянул ей через плечо.

На экране – ничего. Пустой документ. Софи печатала в пустоту, снова и снова нажимая одни и те же клавиши, как заевшая пластинка.

– Софи?

Она не ответила. Не подняла головы. Её глаза были открыты, но смотрели куда-то сквозь монитор, сквозь стену, сквозь сотню метров скальной породы – в какое-то место, которого Ханс не мог видеть.

Он отшатнулся.

Гул охлаждающих систем изменился. Он не стал громче или тише – он стал другим. В нём появилась какая-то структура, какой-то ритм, который раньше не замечался. Как будто машина дышала. Как будто она была живой.

Ханс развернулся к своему рабочему месту. Мониторы мерцали – все двенадцать экранов, составлявших его пост, – и на каждом из них графики вели себя неправильно. Кривые распада превращались в кривые роста. Стрелки осциллографов дёргались в обратном направлении. Цифры на счётчиках событий уменьшались вместо того, чтобы увеличиваться.

Время шло вспять. Здесь, в контрольной комнате, под сотней метров земли, в сердце самой сложной машины на планете – время шло вспять.

Видеозапись, мелькнула мысль. Нужно записать.

Руки двигались сами – двадцать лет рефлексов, выработанных до автоматизма. Активировать протокол аварийной записи. Подтвердить. Выбрать все каналы. Начать.

Красный огонёк загорелся на панели, и Ханс почувствовал иррациональное облегчение. Что бы ни происходило – это будет сохранено. Будет доказательство.

Он посмотрел на часы.

04:12.

Те же цифры, что и раньше. Он мог бы поклясться, что прошло несколько минут – может быть, десять, может быть, больше. Но часы показывали ту же самую минуту, ту же самую секунду.

Или они тоже шли назад?

Ханс почувствовал, как паника подступает к горлу, – холодная, липкая паника, от которой хочется кричать или бежать, или делать и то, и другое одновременно. Он сжал подлокотники кресла так крепко, что костяшки побелели. Не паниковать. Не паниковать. Он видел достаточно аварий за двадцать лет, чтобы знать: паника не помогает. Паника убивает.

Дыши, сказал он себе. Просто дыши.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Графики на экранах продолжали свой безумный танец. Частицы распадались и собирались. Время текло в обе стороны одновременно. А Софи всё ещё печатала в пустой документ, и Мартин всё ещё спал, и гул систем охлаждения звучал как дыхание чего-то огромного и непостижимого.

А потом всё прекратилось.

Просто – раз – и тишина.

Не настоящая тишина, конечно. Гул вернулся к норме – ровный, монотонный, привычный. Софи перестала печатать и потянулась, разминая плечи, как будто ничего не произошло. На мониторах – обычные графики, обычные цифры, обычная рутина столкновений и распадов.

Ханс смотрел на экран и не понимал.

Он точно помнил – помнил ясно, как будто это было выжжено на сетчатке, – кривые, идущие вспять. Частицы, собирающиеся из осколков. Время, вывернутое наизнанку.

Но перед ним не было ничего необычного. Только стандартные данные, стандартные результаты, стандартная ночь.

Показалось?

Он посмотрел на панель записи. Красный огонёк всё ещё горел. Запись шла. Что бы там ни было – или не было – у него есть доказательство.

Ханс посмотрел на часы.

04:47.

Тридцать пять минут прошло. Или не прошло. Он уже не был уверен ни в чём.

Усталость навалилась внезапно и тяжело, как мокрое одеяло. Веки отяжелели, мысли стали вязкими, расплывчатыми. Он попытался сосредоточиться на экране, но цифры плыли перед глазами, сливаясь в бессмысленную кашу.

Нужно проверить запись, подумал он. Нужно... нужно...

Голова опустилась на грудь.

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

– Ханс! Эй, Ханс, подъём!

Он открыл глаза и уставился в лицо Пьера – дневного оператора, который должен был сменить его в восемь.

– Который час? – спросил Ханс, и его голос прозвучал хрипло, как после долгой простуды.

– Восемь пятнадцать. Ты что, всю ночь проспал?

Ханс выпрямился в кресле, разминая затёкшую шею. Контрольная комната была залита дневным светом – искусственным, конечно, но имитирующим утро. Софи и Мартина уже не было. Их сменили другие операторы, которые сейчас занимали свои места, переговариваясь вполголоса.

– Нет, я... – Он замолчал, пытаясь вспомнить.

Ночная смена. Кофе из термоса. Графики на экранах. Что-то... что-то было, он был уверен. Что-то важное. Но воспоминание ускользало, как обрывок сна, который растворяется при пробуждении.

– Ты в порядке? – Пьер смотрел на него с беспокойством. – Выглядишь паршиво.

– Да, – сказал Ханс. – Просто... не выспался, наверное.

Он встал, потянулся. Тело ныло, как будто он действительно провёл всю ночь в неудобной позе. Спина, шея, плечи – всё протестовало. Нормальные ощущения после ночной смены, ничего необычного.

Что-то было, упрямо твердил голос в голове. Что-то случилось.

Но что именно – он не мог вспомнить.

Ханс собрал вещи – термос, блокнот, ручку – и направился к выходу. У двери он остановился и обернулся.

– Пьер, – сказал он. – Ты не знаешь... ничего странного ночью не происходило?

– Странного? – Пьер пожал плечами. – Обычная смена, насколько я знаю. Софи ничего не передавала. А что?

– Ничего. Забудь.

Он вышел из контрольной комнаты и пошёл по коридору к лифтам. Бетонные стены, люминесцентные лампы, бесконечный гул вентиляции – всё то же самое, что и двадцать лет подряд.

Почему тогда ему казалось, что что-то изменилось?

Лифт поднял его на поверхность, и Ханс вышел в холл главного здания. Утреннее солнце било через стеклянные стены, и он прищурился – после ночи под землёй глаза привыкли к полумраку.

Столовая была уже открыта. Ханс прошёл мимо стойки с выпечкой, налил себе кофе из автомата и сел за свободный столик у окна. За стеклом простирались Альпы – величественные, заснеженные, безразличные к человеческим заботам.

Он сделал глоток и поморщился. Кофе был горьким.

Что-то было, снова подумал он. Что-то важное. Частицы... графики... время...

Воспоминание мелькнуло на краю сознания и исчезло, как рыба, скрывающаяся в глубине.

Ханс вздохнул и уставился в окно. За соседним столиком двое молодых физиков обсуждали что-то, размахивая руками. Где-то звякнула чашка. Жизнь шла своим чередом.

На стене напротив висели часы – большие, с белым циферблатом и чёрными стрелками. Секундная стрелка двигалась по кругу: тик, тик, тик. Мерный, надёжный ритм времени.

Ханс смотрел на неё, не видя.

Тик. Тик. Тик.

Стрелка замерла.

На долю секунды – на одно удар сердца – она остановилась, повисла между двумя делениями, как будто сомневаясь, в какую сторону идти.

А потом продолжила движение.

Тик. Тик. Тик.

Ханс не заметил.

Он допил кофе, поставил пустую чашку на стол и встал. Пора домой. Пора спать. Завтра – снова ночная смена, снова спуск под землю, снова мониторы и графики.

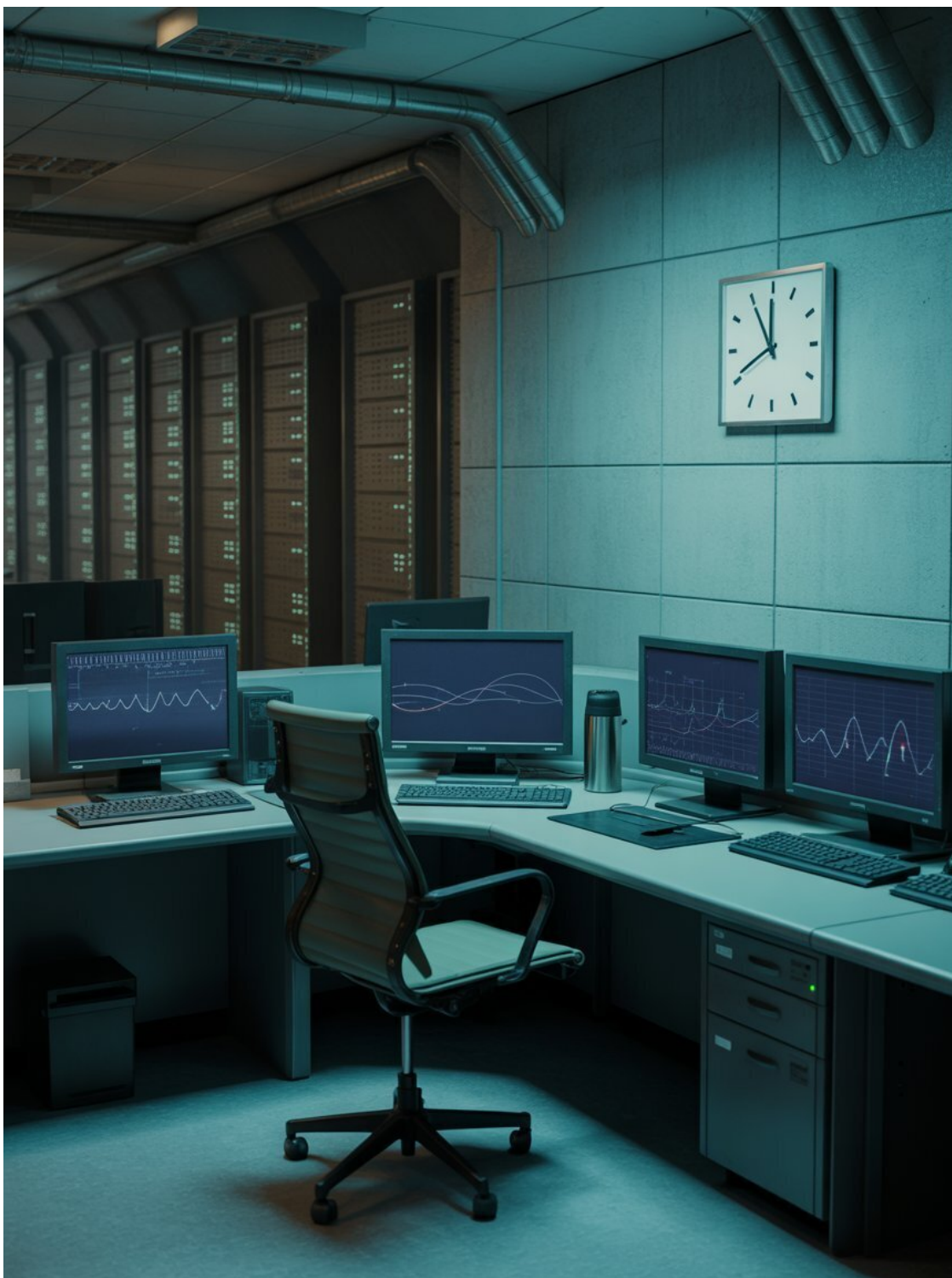
Рутина.

Он вышел из столовой, не оглядываясь.

За его спиной, в пустой контрольной комнате, на одном из мониторов всё ещё горел красный огонёк записи. Файл был сохранён в архиве – 4.7 гигабайта данных, помеченных временным штампом «03:47-04:47, 14 марта 2037».

Единственное доказательство того, что реальность дала трещину.

И что-то по ту сторону трещины начало смотреть.

Часть I: Сигнал

Глава 1: Шум

Женева, ЦЕРН. Апрель 2037 года

Шум.

Юки Танабэ смотрела на экран и видела хаос. Миллиарды точек данных, разбросанных по трёхмерному пространству, – каждая точка означала столкновение, распад, рождение и смерть частиц в доли наносекунды. Стандартная модель физики элементарных частиц предсказывала этот хаос с пугающей точностью: вот здесь должен быть пик мюонов, вот здесь – характерная сигнатура W -бозона, вот здесь – шлейф адронного ливня. Всё совпадало. Всё было правильно.

И всё же что-то было не так.

Она откинулась в кресле и потёрла глаза. Три часа ночи. За окном её кабинета – если можно назвать окном узкую щель под потолком, выходящую на уровень земли, – апрельская тьма и редкие капли дождя. Кофейная чашка на столе давно опустела, и гуща на дне засохла, превратившись в тёмную корку.

Паттерн, думала она. Где-то здесь есть паттерн.

Это было иррационально. Она знала это. Данные были проверены десятками алгоритмов, просеяны через нейронные сети, проанализированы командой из сорока человек. Если бы там было что-то необычное – статистически значимое отклонение, намёк на новую физику, – это давно бы всплыло. Но алгоритмы искали то, что им велели искать. А Юки искала то, чего сама не могла определить.

Интуиция, сказал бы Кэндзи. Ты всегда доверяла интуиции больше, чем числам.

Она закрыла глаза. Три года. Три года с тех пор, как его не стало, а она всё ещё слышала его голос – мягкий, чуть насмешливый, с этой характерной паузой перед важными словами. Авария на трассе под Берном. Мокрый асфальт, встречный грузовик, водитель которого заснул за рулём. Кэндзи возвращался с конференции в Цюрихе. Торопился домой – к ней, к Мэй. Не доехал сорок километров.

Юки открыла глаза и уставилась на экран. Точки данных мерцали, как далёкие звёзды.

Не сейчас, сказала она себе. Не думай об этом сейчас.

Она увеличила масштаб, сфокусировавшись на одном из секторов детектора ATLAS. Февральские данные – тот период, когда коллайдер работал на пиковой мощности после зимнего технического обслуживания. Тысячи столкновений в секунду, петабайты информации. И где-то в этом океане – рябь, которую она почти видела краем глаза, но которая исчезала, стоило посмотреть прямо.

Дверь за спиной скрипнула.

– Опять полуночишаешь?

Алексей Корнеев стоял на пороге, держа в руках два бумажных стаканчика. От них поднимался пар, и запах свежего кофе заполнил кабинет.

– Который час? – спросила Юки, хотя прекрасно знала ответ.

– Три двадцать. – Алексей прошёл внутрь, поставил один стаканчик ей на стол и плюхнулся в гостевое кресло. – Автомат на втором этаже ещё работает. Тот, который делает приличный капучино, а не эту бурду из столовой.

– Спасибо.

Она взяла стаканчик обеими руками, грея ладони. Кофе был горячим, почти обжигающим, и первый глоток прокатился по горлу, оставляя приятное тепло.

Алексей смотрел на неё – внимательно, без улыбки. В полумраке кабинета, освещённого только экраном монитора, его лицо казалось старше обычного. Тени под глазами, морщинка между бровей. Он тоже не высыпался, подумала Юки. Но вряд ли по той же причине.

– Ты уже неделю торчишь здесь до утра, – сказал он. – Что ищешь?

– Не знаю.

– Это не ответ.

– Это единственный честный ответ. – Она повернулась к экрану. – Смотри. Вот эти данные за февраль. Стандартный набор – протон-протонные столкновения, тринадцать ТЭВ. Всё в пределах ожидаемого. Все статистические тесты пройдены.

– Но?

– Но когда я смотрю на общую картину... – Она замолчала, подбирая слова. – Ты когда-нибудь видел стереограммы? Такие картинки из девяностых, где нужно расфокусировать взгляд, чтобы увидеть скрытое изображение?

Алексей хмыкнул.

– Дельфины и парусники. Мой дядя был помешан на них. Я так и не научился это видеть.

– А я научилась. И сейчас у меня такое ощущение, что в этих данных есть что-то – скрытое изображение, паттерн, который не виден, если смотреть прямо. Но стоит расфокусироваться...

– И что ты видишь?

Юки вздохнула.

– Ничего. Пока ничего конкретного. Только ощущение, что оно там есть.

Алексей молчал несколько секунд. Потом отхлебнул кофе и сказал:

– Знаешь, что мне говорил мой научный руководитель в Новосибирске? «Корнеев, интуиция – это способ мозга сказать тебе то, что ты ещё не можешь доказать. Но это не значит, что она права».

– А что ты ему отвечал?

– Что он зануда. – Алексей улыбнулся, и на мгновение его лицо стало прежним – открытым, мальчишеским. – Но он был хорошим занудой. Научил меня всему, что я знаю. Ну, почти всему.

Юки кивнула, не отрывая взгляда от экрана. Алексей был единственным в группе, кто не смотрел на неё с плохо скрываемым скептицизмом, когда она заговаривала о «паттернах в шуме». Остальные – Ханна, Мартин, даже руководитель проекта доктор Вебер – считали это пустой тратой времени. Данные чистые, модель подтверждена, зачем искать то, чего нет?

Но Алексей поддерживал. Не потому что верил – Юки не обманывалась на этот счёт. Он поддерживал, потому что... потому что Алексей. Потому что приносил кофе в три часа ночи и сидел рядом, пока она вглядывалась в бессмысленные точки на экране.

Она знала, что он чувствует. Всегда знала – с того самого дня, когда пролила кофе на его записи и извинялась пять раз подряд, а он смотрел на неё с выражением человека, которого только что ударило молнией. Она видела это в его глазах каждый раз, когда он думал, что она не смотрит. И делала вид, что не замечает, – потому что заметить означало бы что-то с этим делать, а она не была готова. Не после Кэндзи. Может быть, никогда.

– Иди домой, Алексей, – сказала она мягко. – Тебе завтра вести семинар.

– Сегодня. Семинар сегодня, в два часа дня. – Он допил кофе и скомкал стаканчик. –

А ты?

– Скоро. Ещё немного посмотрю и поеду.

– Ты это говорила вчера. И позавчера.

– На этот раз правда.

Он встал, помедлил у двери.

– Юки...

– Да?

– Береги себя. Пожалуйста.

Она обернулась. Он стоял в дверном проёме, и свет из коридора падал ему на спину, превращая в тёмный силуэт. Она не видела его лица, но слышала в голосе то, чего он никогда не говорил вслух.

– Я постараюсь, – ответила она.

Дверь закрылась.

Юки снова повернулась к экрану. Точки данных смотрели на неё равнодушно, как звёзды на муравья.

Клиника Святого Франциска располагалась в пригороде Женевы, в десяти минутах езды от ЦЕРН. Современное здание из стекла и белого бетона, окружённое ухоженным парком. Внутри – светлые коридоры, улыбчивый персонал, палаты с видом на горы. Лучшее медицинское учреждение в регионе, специализирующееся на редких неврологических заболеваниях.

Юки ненавидела это место.

Она припарковалась на подземной стоянке и несколько минут сидела в машине, глядя на бетонную стену перед собой. Руки на руле. Двигатель выключен. Тишина.

Она приезжала сюда каждый день – иногда утром, иногда вечером, иногда, как сегодня, в предрассветные часы, когда коридоры пусты, а дежурные сёстры клюют носом за стойкой. Каждый раз она останавливалась на несколько минут перед тем, как выйти из машины. Собиралась с силами. Надевала маску – ту самую, которую Мэй никогда не должна была видеть.

Маску спокойной, уверенной матери, которая знает, что всё будет хорошо.

Лифт поднял её на третий этаж. Палата 317 – угловая, с большим окном, выходящим на парк. Юки настояла на этой палате, хотя она стоила вдвое дороже обычной. Мэй любила смотреть на деревья.

Дверь была приоткрыта. Юки заглянула внутрь.

Мэй спала.

Девочка лежала на боку, свернувшись калачиком под тонким одеялом. Её чёрные волосы – такие же, как у Юки, как у Кэндзи – разметались по подушке. В полумраке палаты, освещённой только ночником на тумбочке, она казалась совсем маленькой. Хрупкой. Как фарфоровая статуэтка, которая может разбиться от слишком громкого звука.

Юки тихо вошла и села в кресло у кровати. Кресло было неудобным – слишком низким, с жёсткими подлокотниками, – но она провела в нём столько часов, что привыкла. Её тело помнило каждую выемку, каждый шов обивки.

Монитор рядом с кроватью показывал витальные параметры. Пульс – шестьдесят два. Давление – девяносто на шестьдесят, ниже нормы для ребёнка её возраста. Уровень кислорода – девяносто пять процентов. Цифры, которые Юки знала наизусть и которые медленно, неуклонно ухудшались.

Прогрессирующая нейродегенерация с неустановленной этиологией. Так это называлось в медицинских документах. Проще говоря – её дочь умирала, и никто не знал почему.

Болезнь началась два года назад. Сначала – просто усталость, которую списывали на рост. Потом – головные боли, от которых Мэй просыпалась по ночам с криком. Потом – первый приступ, когда она упала посреди детской площадки и не могла встать, потому что ноги отказывались слушаться.

С тех пор – бесконечная череда врачей, анализов, процедур. МРТ, ПЭТ, люмбальные пункции, генетические тесты. Юки прочитала всё, что могла найти, о нейродегенеративных заболеваниях у детей. Болезнь Баттена, болезнь Ниманна-Пика, аденолейкодистрофия – ни

один диагноз не подходил полностью. Мэй была уникальным случаем. Единственным в своём роде.

Это должно было бы утешать. Не утешало.

– Мама?

Юки вздрогнула. Мэй открыла глаза – тёмные, как у отца, с этим характерным разрезом, который она унаследовала от Юки.

– Привет, солнышко. – Юки наклонилась и поцеловала дочь в лоб. – Я тебя разбудила?

– Нет. – Мэй потянулась, медленно, осторожно. Каждое движение давалось ей с трудом – мышцы слабели, нервные связи распадались. – Мне снился странный сон.

– Какой?

– Я была... – Девочка нахмурилась, подбирая слова. – Везде. Одновременно. Как будто я – это много меня, и все они смотрят на одно и то же, но с разных сторон.

Юки почувствовала, как что-то сжалось в груди. Галлюцинации были одним из симптомов – нейроны в зрительной коре отмирали, создавая фантомные образы. Врачи предупредили, что со временем станет хуже.

– Это был просто сон, – сказала она ровным голосом. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. – Мэй улыбнулась – слабо, но искренне. – Руки сегодня лучше слушаются. Я даже смогла сама почистить зубы.

Сама почистить зубы. Семь лет, и это – достижение.

Юки сглотнула комок в горле.

– Это здорово, солнышко. Ты молодец.

– Мама, ты плачешь?

– Нет. – Она быстро моргнула, прогоняя влагу из глаз. – Просто устала немного. Много работы.

Мэй смотрела на неё – внимательно, серьёзно, совсем не по-детски. Болезнь сделала её мудрой не по годам. Или, может быть, дети всегда видят больше, чем мы думаем.

– Ты найдёшь, – сказала Мэй.

– Что?

– То, что ищешь. Ты всегда находишь.

Юки хотела спросить, откуда дочь знает, что она что-то ищет, – но не стала. Вместо этого она взяла Мэй за руку. Маленькие пальцы, тонкие, почти прозрачные. Юки помнила, какими они были раньше – крепкими, цепкими, вечно измазанными краской или шоколадом.

– Я найду способ, – сказала она. – Обещаю.

Мэй кивнула и закрыла глаза.

– Я знаю, мама. Я знаю.

Юки сидела рядом, пока дочь не заснула. Потом ещё немного – просто смотрела на неё, запоминала каждую чёрточку лица, каждый вздох. Как будто могла удержать её так – силой взгляда, силой любви.

Но любовь не лечит нейродегенерацию. Любовь не восстанавливает умирающие нейроны. Любовь – это просто боль, которую ты несёшь с собой, пока не можешь больше нести.

Она встала, поправила одеяло и вышла из палаты.

Дорога домой заняла дольше обычного – Юки выбрала окружной путь, через холмы над озером. Она говорила себе, что хочет посмотреть на рассвет, но правда была проще: она не хотела возвращаться в пустую квартиру.

Небо на востоке светлело, наливаясь розовым и золотым. Альпы на горизонте выступали из тумана – серые громады, увенчанные снегом. Красиво, отстранённо подумала Юки. Она

привыкла к этой красоте за годы жизни в Женеве, привыкла настолько, что почти перестала её замечать.

Машина мягко покачивалась на поворотах. Шины шуршали по мокрому асфальту. Дождь закончился, но воздух был ещё влажным, и на ветровом стекле оседала мелкая морось.

Юки моргнула.

Дорога перед ней расплылась на мгновение, потом снова стала чёткой. Глаза слипались. Тело требовало сна – настоящего сна, не получасовых провалов в забытьё за рабочим столом.

Когда она последний раз нормально спала? Неделю назад? Две?

Ещё один поворот. Фары выхватили из темноты мокрые камни ограждения, за которым начинался обрыв. Озеро внизу – чёрное, неподвижное.

Веки снова отяжелели.

Юки встряхнула головой, опустила окно. Холодный воздух ударил в лицо, и она глубоко вдохнула, прогоняя сонливость. Так нельзя. Так...

Так погиб Кэндзи.

Мысль пришла неожиданно, острая, как осколок стекла. Водитель грузовика заснул за рулём. На такой же дороге, в такое же время. И теперь она – едет по ночам, не спит сутками, смотрит на дорогу глазами, которые отказываются фокусироваться.

Она могла бы. Прямо сейчас. Руль чуть вправо – и всё закончится. Никакой больше боли. Никакой усталости. Никакого ожидания, пока дочь медленно угасает в белой палате с видом на парк.

Было бы проще.

Юки вцепилась в руль так, что костяшки побелели. Мысль мелькнула и исчезла – но она была. Она точно была. Доля секунды, крошечное искушение – и вот оно, доказательство того, насколько она устала.

Мэй, напомнила она себе. У тебя есть Мэй. Ты не можешь. Не имеешь права.

Она притормозила на обочине, выключила двигатель и сидела несколько минут, глядя на светящееся небо. Руки дрожали. В горле стоял комок.

– Соберись, – сказала она вслух. Голос прозвучал хрипло, незнакомо. – Просто соберись.

Она достала телефон и заказала такси. Машину можно будет забрать позже.

Квартира встретила её тишиной.

Двухкомнатная, на третьем этаже старого дома в центре Женевы. Высокие потолки, скрипучий паркет, окна с видом на черепичные крыши. Когда они с Кэндзи её снимали, здесь было светло и шумно – музыка, разговоры, запах готовящейся еды. Мэй топала по коридору на неуверенных ножках, и Кэндзи ловил её, подбрасывал к потолку, а она визжала от восторга.

Теперь – тишина. Пыль на книжных полках. Фотография на каминной полке – Кэндзи и Мэй на пляже, оба загорелые, счастливые, живые.

Юки прошла на кухню, налила стакан воды и выпила залпом. Руки всё ещё дрожали, но уже меньше. Паника отступала, оставляя после себя пустую усталость.

Она должна была лечь спать. Тело умоляло об этом – каждая мышца, каждая клетка. Но вместо этого она включила ноутбук и подключилась к серверу ЦЕРН.

Паттерн. Она видела его – почти видела. Ещё немного, ещё чуть-чуть...

Данные загрузились, и она снова погрузилась в океан точек. Сколько раз она смотрела на эту картинку? Сотни? Тысячи? Глаза скользили по знакомым кластерам, по привычным пикам и провалам.

И тут она заметила.

В углу экрана – ссылка на архив аварийных записей. Обычно она её игнорировала – там хранились логи технических сбоев, ошибки калибровки, всё то, что операторы записывали на всякий случай. Ничего интересного.

Но сейчас рядом со ссылкой мигал значок нового файла. Дата – 14 марта, ночная смена. Помечено как «необъяснённая аномалия».

Юки кликнула.

Видео было коротким – меньше минуты. Ночная съёмка контрольной комнаты, мерцание мониторов. Потом – камера переключилась на график. Обычная кривая распада. И...

Юки замерла.

Кривая шла вверх.

Она смотрела, как линия на графике – линия, которая по всем законам физики могла только падать, – разворачивается и начинает подниматься. Как частица, распавшаяся на осколки, собирается обратно. Как время идёт вспять.

Невозможно.

Она перемотала запись. Посмотрела ещё раз. И ещё. На экране – одно и то же: кривая падает, замирает, поднимается. Падает, замирает, поднимается.

СРТ-нарушение. Обращение времени для изолированного события. Что-то, чего не может быть по определению.

Она проверила метаданные файла. Оператор – Ханс Мюллер, старший техник. Юки знала его – тихий, надёжный человек, из тех, кто никогда не паникует и не делает ошибок. Если он записал это как «необъяснённую аномалию» – значит, сам не смог объяснить.

Она открыла соответствующие данные детектора. Тот же временной штамп – 03:47-04:47, 14 марта. Нашла столкновения, которые были записаны в этот период.

И тогда она увидела.

Не одна аномалия. Не две. Десятки. Сотни. По всему массиву данных – крошечные отклонения, едва заметные флуктуации, которые алгоритмы списывали на статистический шум. Но если смотреть на них вместе, если выстроить в ряд, если наложить друг на друга...

Паттерн.

Юки откинулась в кресле, забыв дышать.

Это не было случайностью. Распределение аномалий – слишком равномерное, слишком структурированное. Они образовывали последовательность, ритм, почти музыкальную фразу. Как будто кто-то играл на коллайдере, как на инструменте, выбивая сообщение азбукой Морзе.

Она запустила базовый алгоритм сжатия – тот, который использовался для упаковки данных перед передачей. И увидела то, что должна была увидеть с самого начала.

Структура аномалий была идентична структуре архивного файла. Самоподобная, фрактальная, с характерной сигнатурой компрессии. Это не был шум. Это были данные – закодированные, сжатые, спрятанные в статистических флуктуациях, как водяной знак на банкноте.

Кто-то послал сообщение.

Юки смотрела на экран, и мир вокруг неё изменился. Тишина квартиры стала другой – не пустой, а наполненной присутствием чего-то невидимого. Что-то смотрело на неё из-за экрана, из-за цифр, из-за самой ткани реальности.

Кто-то послал сообщение.

И она была первой, кто его услышал.

Глава 2: Паттерн

Женева, ЦЕРН. Апрель 2037 года. Три дня спустя

Сообщение не хотело расшифровываться.

Юки провела за анализом семьдесят два часа почти без сна, и теперь данные плыли перед глазами, как медузы в тёмной воде. Она моргала, трясла головой, вливала в себя литры кофе – но числа упрямо отказывались складываться в смысл.

Структура была. Это она видела ясно – слишком ясно, чтобы сомневаться. Аномалии в данных коллайдера образовывали паттерн, столь же очевидный для неё, как созвездие Ориона на ночном небе. Фрактальная геометрия, самоподобие на разных масштабах, характерная сигнатура информационного сжатия. Кто-то – или что-то – записал данные прямо в ткань физических событий, как будто использовал саму реальность вместо жёсткого диска.

Но что именно было записано – этого она понять не могла.

Юки откинулась в кресле и посмотрела на потолок. Трещина в штукатурке тянулась от угла к люстре – она помнила эту трещину ещё со времён аспирантуры, когда делила этот кабинет с тремя другими молодыми физиками. Теперь кабинет был её – привилегия старшего научного сотрудника – но трещина осталась. Как напоминание о том, что некоторые вещи не меняются, сколько бы времени ни прошло.

На столе лежали распечатки – десятки листов, исписанных формулами и диаграммами. Она пыталась разные подходы: теорию информации, криптографический анализ, методы сжатия данных. Ничего не работало. Сообщение оставалось непроницаемым, как чёрный монолит.

Проблема была фундаментальной. Чтобы расшифровать код, нужно знать язык, на котором он написан. А этот язык не был человеческим.

Юки закрыла глаза.

Кто мог послать такое сообщение? Технически – никто на Земле. Записать информацию в структуру квантовых событий, в сам процесс распада частиц – это требовало контроля над реальностью на уровне, который человечество даже не умело вообразить. Это было как написать записку, переставляя атомы в скале. Теоретически возможно. Практически – за гранью любых технологий.

И всё же сообщение было здесь. Реальное. Измеримое. Воспроизводимое.

Она проверила трижды – каждый раз одни и те же аномалии, один и тот же паттерн. Не глюк оборудования, не статистическая флуктуация. Что-то намеренно изменило ход событий в коллайдере, оставив след, который она – и только она – смогла увидеть.

Почему она?

Этот вопрос не давал ей покоя. Тысячи физиков работали с данными ЦЕРН. Алгоритмы просеивали каждый бит информации. И никто ничего не заметил – кроме неё. Случайность? Или...

Или сообщение было адресовано именно ей.

Юки открыла глаза и уставилась на экран. Мысль была параноидальной, иррациональной – и всё же она не могла от неё отделаться. Что-то в структуре паттерна казалось... знакомым. Как мелодия, которую слышала когда-то давно и почти забыла.

Ей нужна была помощь.

Она перебрала мысленно список коллег. Алексей – слишком близко, слишком заинтересован в том, чтобы угодить ей. Ханна – слишком скептична, отвергнет идею с порога. Доктор Вебер – забудет о научной этике и побежит к начальству, как только поймёт масштаб открытия.

Оставался один человек. Тот, к кому она не хотела обращаться. Тот, кто ушёл из активной науки двадцать лет назад и с тех пор жил отшельником в горах над Женевой.

Маркус Вельт.

Её бывший научный руководитель. Нобелевский лауреат. И человек, который, по слухам, сошёл с ума после какого-то неудачного эксперимента в начале 2010-х.

Юки не верила слухам. Она знала Маркуса – работала с ним пять лет, писала под его руководством диссертацию. Он был блестящим, сложным, иногда невыносимым человеком, но не безумцем. Что бы ни случилось тогда – это сломало его, но не разрушило.

По крайней мере, она на это надеялась.

Дом Маркуса стоял на склоне горы, в полчаса езды от Женевы. Узкая дорога петляла между виноградниками, поднимаясь всё выше, пока город внизу не превратился в россыпь огней у тёмного озера. Апрельский вечер был холодным, и Юки включила печку, глядя, как фары выхватывают из темноты очередной поворот.

Она не была здесь десять лет – с тех пор, как защитила диссертацию. Маркус присутствовал на защите, сидел в заднем ряду, не задал ни одного вопроса. После – подошёл, пожал ей руку, сказал: «Хорошая работа, Танабэ». И ушёл. Это были последние слова, которые она от него слышала.

Потом – молчание. Маркус не отвечал на письма, не брал трубку. Коллеги говорили, что он работает над чем-то важным, что-то связанное с голографическим принципом и природой пространства-времени. Потом говорили, что он бросил работу совсем. Потом перестали говорить о нём вообще.

Но Юки помнила его глаза – живые, острые, пронизывающие насквозь. Глаза человека, который видит мир глубже, чем остальные. Она надеялась, что эти глаза всё ещё там, за стенами отшельничества.

Дом появился неожиданно – приземистое строение из серого камня, вросшее в склон горы. Ни ограды, ни указателей. Только узкая тропинка, ведущая к деревянной двери.

Юки припарковалась и вышла из машины. Воздух был чистым и холодным, пах хвоей и талым снегом. Тишина – абсолютная, звенящая, совсем не похожая на глухую тишину её женеvской квартиры.

Она подошла к двери и постучала.

Ничего.

Постучала снова – громче.

Шаги внутри. Скрип половиц. Щёлкнул замок.

Дверь открылась, и Юки увидела Маркуса Вельта.

Он постарел. Это было первое, что она заметила. Волосы, когда-то тёмные с проседью, теперь были полностью белыми. Лицо – осунувшееся, с глубокими морщинами вокруг рта и на лбу. Руки, которые она помнила сильными и точными, слегка дрожали.

Но больше всего её поразили глаза.

Они были те же – серые, пронзительные. Но в них появилось что-то новое. Что-то, чего раньше не было. Юки не сразу поняла, что именно, а когда поняла – по спине пробежал холодок.

Маркус не моргал.

Он смотрел на неё – прямо, не отводя взгляда – и за всё время, пока она стояла на пороге, его веки ни разу не дрогнули.

– Танабэ, – сказал он. Голос был таким же, как она помнила – низким, с лёгким немецким акцентом. – Долго же ты собиралась.

– Профессор Вельт. – Она запнулась. – Маркус. Я... нужно поговорить.

Он молчал несколько секунд, глядя на неё этим странным, немигающим взглядом. Потом отступил в сторону.

– Входи.

Внутри дом оказался больше, чем выглядел снаружи. Длинный коридор вёл в просторную гостиную с камином, где потрескивали дрова. Стены были заставлены книжными полками – от пола до потолка, без единого просвета. Физика, математика, философия, теология – корешки книг на десятках языков.

Маркус провёл её к дивану у камина и сам сел в кресло напротив. На низком столике между ними стояла початая бутылка виски и один стакан.

– Выпьешь? – спросил он.

– Нет. Спасибо.

Он кивнул, налил себе и сделал глоток. Огонь в камине отбрасывал тени на его лицо, и морщины казались ещё глубже, как трещины в старой маске.

– Так, – сказал Маркус. – Рассказывай.

Юки открыла сумку и достала планшет. Руки слегка дрожали – от холода или от волнения, она не знала.

– Три дня назад я нашла кое-что в данных коллайдера. Аномалии в распадах частиц. На первый взгляд – случайный шум, статистические флуктуации. Но если посмотреть на общую картину...

Она вывела на экран визуализацию – трёхмерную модель паттерна, которую построила за эти семьдесят два часа. Точки данных образовывали сложную структуру, похожую на свёрнутую спираль или на фрактальный папоротник.

– Это не случайность, – продолжила Юки. – Структура слишком регулярная, слишком... намеренная. Распределение аномалий соответствует сигнатуре информационного сжатия. Как будто кто-то закодировал данные прямо в физические события.

Маркус смотрел на экран. Его лицо не изменилось – та же каменная маска, – но Юки заметила, как побелели костяшки пальцев на стакане.

– Продолжай, – сказал он тихо.

– Это невозможно. – Она сама удивилась тому, как спокойно прозвучал её голос. – По всем нашим представлениям о физике – это невозможно. Чтобы записать информацию в структуру квантовых распадов, нужен контроль над реальностью на уровне, которого мы даже теоретически не можем достичь. Это как... как редактировать код программы изнутри самой программы, не имея доступа к компьютеру.

– И всё же ты это видишь.

– Да.

Маркус поставил стакан на стол. Медленно, осторожно, как будто боялся его разбить.

– Покажи исходные данные.

Юки вывела на экран графики – те самые кривые распада, которые шли вспять. Видео с ночной смены Ханса Мюллера. Статистические распределения аномалий.

Маркус смотрел молча. Минуту. Две. Огонь в камине потрескивал, и тени плясали по стенам.

Потом он встал.

– Подожди здесь, – сказал он и вышел из комнаты.

Юки осталась одна. Она смотрела на огонь и пыталась понять, что только что произошло. Маркус не удивился. Не усомнился. Не попросил доказательств. Он посмотрел на данные и... поверил. Сразу. Как будто знал заранее.

Как будто видел это раньше.

Шаги в коридоре. Маркус вернулся, держа в руках старый ноутбук – громоздкий, с потёртым корпусом, явно из прошлого десятилетия.

– Двадцать лет назад, – сказал он, садясь в кресло, – я работал над экспериментом. Проект «Горизонт». Классифицированный. Финансирование от ЕКА и нескольких частных фондов. Официальная цель – проверка голографического принципа. Реальная цель...

Он замолчал, глядя на ноутбук так, как смотрят на старую фотографию или на письмо от мёртвого человека.

– Реальная цель была другой, – продолжил он наконец. – Мы пытались связаться с... с тем, что находится на границе.

– На границе чего?

Маркус посмотрел на неё – и впервые за весь вечер Юки увидела в его глазах что-то кроме усталости. Что-то похожее на страх.

– На границе всего, Танабэ. На горизонте Вселенной. Там, где информация кодируется в двумерную поверхность, которая отбрасывает нас – трёхмерных – как проекцию.

Он открыл ноутбук и повернул экран к ней.

– Смотри.

Видео было старым, зернистым. Лаборатория – не ЦЕРН, что-то меньше, компактнее. В центре кадра – молодой мужчина с тёмными волосами и живыми серыми глазами. Маркус. Двадцать лет назад.

Он говорил в камеру – быстро, возбуждённо, жестикулируя:

«...сигнал стабилен уже третий час. Мы получаем ответ, это несомненно. Структура данных соответствует нашей модели голографической коммуникации. Они слышат нас. И они отвечают. Это... это невероятно. Это меняет всё. Мы больше не одни. Мы никогда не были одни...»

Камера дрогнула. Что-то изменилось за кадром – шум, движение. Молодой Маркус повернулся, и его лицо побледнело.

«Что это? Что происходит? Показатели...»

Экран мигнул, изображение распалось на пиксели. Когда картинка восстановилась, Маркус стоял у какого-то прибора, и его лицо было совсем другим. Не испуганным – пустым. Он смотрел прямо в камеру, и его глаза...

Юки наклонилась ближе.

Его глаза были открыты. Широко открыты. И он не моргал.

Видео оборвалось.

Маркус закрыл ноутбук.

– После этого, – сказал он, – я не могу моргать. Физически могу – мышцы работают. Но рефлекс исчез. Мне приходится делать это сознательно. Каждый раз.

Он демонстративно моргнул – медленно, неестественно, как будто выполнял упражнение.

– Они изменили меня, – продолжил он. – Без спроса. Без предупреждения. Просто... оптимизировали. Одну маленькую деталь. Чтобы показать, что могут.

Юки молчала. Слова застряли в горле.

– Но это не всё, – сказал Маркус. – Не худшее. Худшее – то, что я видел.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом – темнота, звёзды, силуэты гор.

– Они показали мне других. Тех, кто прошёл полную оптимизацию. Тех, кто согласился – или был вынужден согласиться. Тысячи, может быть, миллионы. Не знаю, откуда они, из какого времени. Может быть, из будущего. Может быть, из параллельной ветви. Может быть...

Он повернулся к ней.

– Они были совершенны, Танабэ. Абсолютно совершенны. Никакой боли. Никакого страха. Никаких противоречий. Идеальные существа, оптимизированные до последнего нейрона.

– Это звучит...

– Как рай? – Маркус усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли веселья. – Я тоже так подумал. На первую секунду. А потом присмотрелся.

Он вернулся к креслу, сел, наклонился вперёд.

– Знаешь, как выглядит взгляд того, для кого ты – опечатка? Они смотрели на меня так, как мы смотрим на ошибку в коде. С... с доброжелательным намерением исправить. Они не хотели меня уничтожить. Они хотели меня улучшить. Сделать таким же, как они.

– И вы... отказались?

– Я убежал. – Маркус откинулся в кресле. – Уничтожил установку, стёр данные, сжёг мосты. Официально – эксперимент провалился. Технический сбой, потеря оборудования, никаких результатов. Двое моих ассистентов погибли. Двое других... они не погибли. Они просто стали другими. Через неделю после эксперимента один из них уволился и уехал в монастырь. Второй покончил с собой через год.

Тишина. Огонь в камине догорал, и тени становились длиннее.

– Почему вы никому не рассказали? – спросила Юки наконец.

– Кому? – Маркус посмотрел на неё с горькой иронией. – Научному сообществу, которое считает меня сумасшедшим? Правительствам, которые немедленно превратят это в оружие? Журналистам, которые сделают из этого сенсацию на один день и забудут?

Он покачал головой.

– Я молчал, потому что надеялся, что это было единичным случаем. Что я каким-то образом открыл дверь, которая должна была оставаться закрытой. И что, закрыв её, я защитил всех остальных.

Он посмотрел на планшет Юки, где всё ещё светилась визуализация паттерна.

– Но теперь дверь открылась снова. Сама. И на этот раз – не я её открыл.

Юки медленно выдохнула.

– Что это значит?

– Это значит, – сказал Маркус, – что они больше не ждут, пока мы свяжемся с ними. Они связались с нами. Сами. Впервые.

Он наклонился вперёд, и в его немигающих глазах вспыхнул отблеск огня.

– Не открывай эту дверь, Юки. Я знаю, что за ней. И ты – не знаешь. Ты думаешь, что хочешь узнать. Но ты не хочешь. Поверь мне.

– У меня нет выбора.

– Выбор есть всегда.

– Нет. – Юки покачала головой. – Не для меня.

Она достала телефон, открыла фотографию Мэй. Последняя, из клиники – бледное личико на белой подушке, тёмные глаза, в которых слишком много понимания для семилетнего ребёнка.

– Моя дочь умирает. Нейродегенерация неустановленной этиологии. Врачи не могут ничего сделать. Я перепробовала всё – экспериментальные протоколы, генную терапию, стволовые клетки. Ничего не работает. У неё осталось... – голос дрогнул, – может быть, год. Может быть, меньше.

Маркус смотрел на фотографию. Его лицо не изменилось, но что-то сдвинулось в глубине глаз.

– И ты думаешь, что это... – он кивнул на планшет, – что это может её спасти?

– Я не знаю. – Юки убрала телефон. – Но это первое за два года, что выходит за рамки известного. Первое, что может оказаться чем-то большим, чем человеческая медицина.

– Или чем-то худшим.

– Или чем-то худшим. – Она встретила его взгляд. – Но я должна узнать. Ты понимаешь? Я не могу просто сидеть и смотреть, как она угасает. Не могу.

Маркус долго молчал. Огонь в камине окончательно погас, и комнату наполнили тени.

– Понимаю, – сказал он наконец. – Лучше, чем ты думаешь.

Он встал.

– Я не буду тебе помогать. Не могу. Но я дам тебе одну вещь.

Он подошёл к книжной полке и вытащил толстую папку – пожелтевшую, перетянутую резинкой.

– Мои записи. Всё, что я знаю о них – о Границе, как я их называл. Их природа, их мотивы, насколько я смог понять. И главное – механизм контакта. Как построить установку, которая позволит говорить с ними напрямую.

Юки взяла папку. Она была тяжёлой – сотни страниц, исписанных мелким почерком.

– Почему? – спросила она. – Если вы не хотите, чтобы я открывала эту дверь...

– Потому что ты откроешь её в любом случае. – Маркус смотрел на неё, и в его взгляде была усталость, и горечь, и что-то похожее на смирение. – Я знаю тебя, Танабэ. Ты не остановишься. Никогда не останавливалась.

Он отвернулся к окну.

– По крайней мере, с моими записями у тебя будет шанс. Маленький. Но шанс.

Юки прижала папку к груди.

– Спасибо.

– Не благодари. – Маркус не повернулся. – Я не уверен, что делаю тебе одолжение.

Она пошла к двери. На пороге остановилась.

– Маркус...

– Да?

– То, что вы видели. Те, кто был оптимизирован. Они были... счастливы?

Долгая пауза. Тени на стене колыхались, как живые.

– Они были совершенны, – сказал Маркус наконец. – А совершенство не нуждается в счастье.

Юки вышла.

Она шла по тропинке к машине, когда что-то заставило её обернуться.

Маркус стоял в окне гостиной. Его силуэт был чётко виден в тусклом свете, который просачивался из комнаты.

Но что-то было не так.

Юки смотрела и не могла понять – что именно. Силуэт. Окно. Свет. Всё на месте. И всё же...

Тень.

Тень Маркуса на стене за его спиной была неправильной.

Слишком чёткой. Слишком длинной. Она тянулась по стене, как тень от свечи, – но свет из комнаты был рассеянным, и никакой свечи там не было. И самое странное – тень двигалась.

Едва заметно, как будто дышала. Сокращалась и расширялась в своём собственном ритме, не связанном с движениями Маркуса.

Юки моргнула – и тень стала обычной. Простой силуэт на стене, ничего больше.

Она быстро дошла до машины, села, завела двигатель. Руки тряслись.

Выезжая на дорогу, она посмотрела в зеркало заднего вида. Дом Маркуса уже скрылся за поворотом.

Но ей показалось – только показалось, наверное, – что в темноте за окном что-то мелькнуло. Что-то, что было темнее самой темноты.

Юки прибавила скорость.

Папка с записями лежала на пассажирском сиденье – тяжёлая, многообещающая, страшная.

Дверь была открыта.

Теперь оставалось решить – войти или отступить.

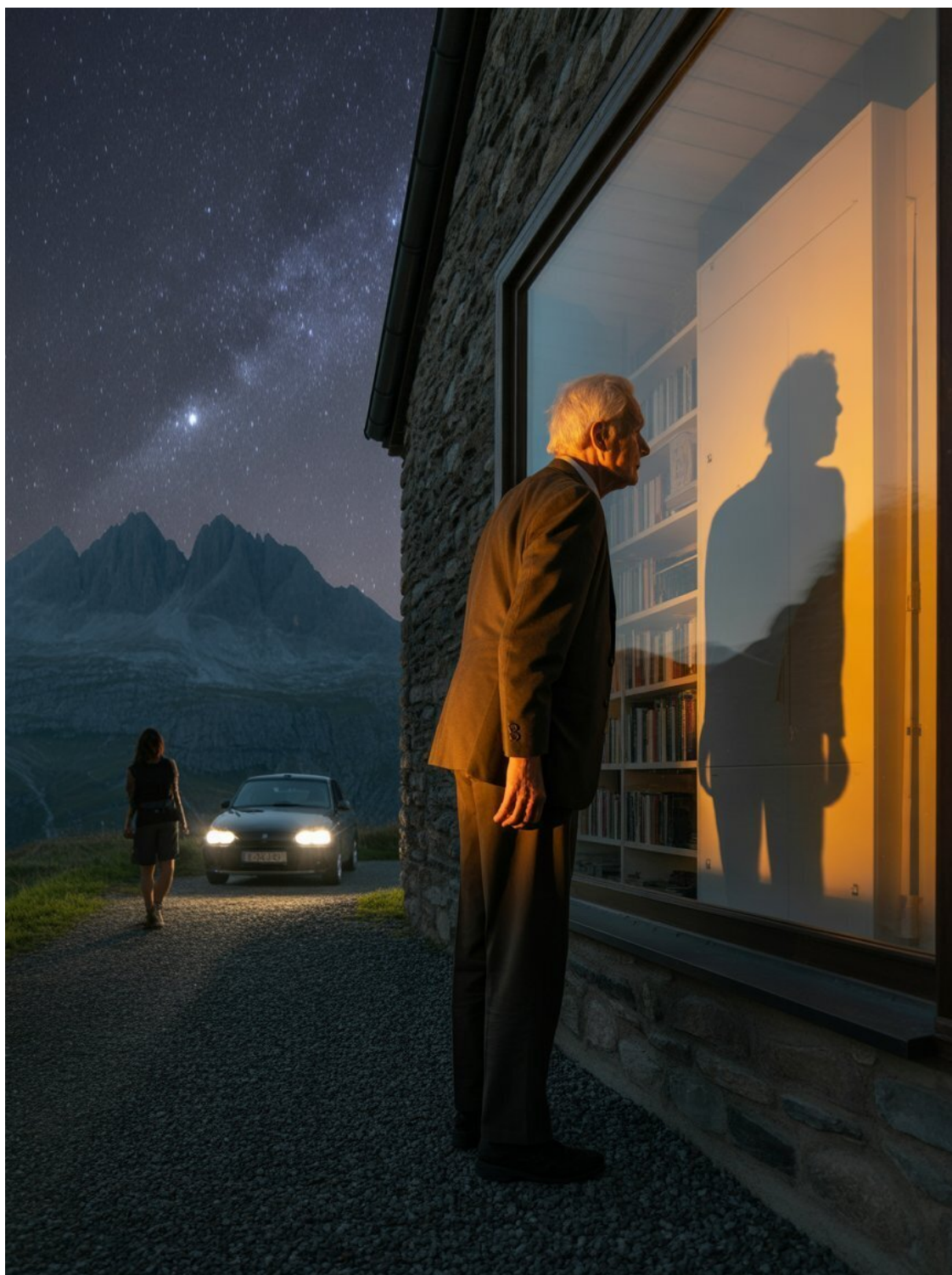
Но в глубине души она знала, что решение уже принято. Было принято в тот момент, когда она впервые увидела паттерн в шуме. Или раньше – когда Мэй сказала: «Ты найдёшь, мама. Ты всегда находишь».

Или ещё раньше – когда она стояла на обочине горной дороги и думала: «Было бы проще».

Юки ехала по ночной дороге, и Альпы вокруг неё были тёмными и безмолвными, как стражи древней тайны.

Где-то за горизонтом, за краем Вселенной, за границей всего – что-то ждало.

И оно знало, что она идёт.

Глава 3: Зеркало

Женева, ЦЕРН. Май 2037 года

Записи Маркуса пахли старой бумагой и чем-то ещё – чем-то химическим, едким, как будто страницы когда-то побывали в лаборатории, где что-то горело. Юки разложила их на столе в своём кабинете и провела пальцами по пожелтевшим краям.

Двести тридцать семь страниц. Формулы, схемы, диаграммы – всё от руки, мелким почерком, который к концу становился всё более неровным, как будто писавший торопился или боялся не успеть. Между страницами – вложенные листки с пометками, вырезки из научных журналов, фотографии оборудования.

И на последней странице – одно слово, написанное крупно, жирно, с такой силой, что перо прорвало бумагу:

«НЕ НАДО».

Юки смотрела на это слово и думала о Маркусе. О том, каким он был двадцать лет назад – молодым, полным энергии, с живыми глазами. О том, каким стал теперь – седым отшельником, который не моргает и отбрасывает неправильную тень.

Она перевернула страницу и начала читать сначала.

Теория была элегантной. Даже красивой – если можно назвать красивой идею, которая переворачивала всё, что человечество знало о реальности.

Голографический принцип утверждал, что вся информация о трёхмерном объёме закодирована на его двумерной границе. Как голограмма на кредитной карте – плоская картинка, которая содержит в себе объёмное изображение. Только здесь речь шла не о картинке, а о Вселенной целиком.

Мы – не жители пространства, писал Маркус. Мы – проекция. Тени на стене пещеры, которые принимают себя за настоящих. А настоящее – там, на границе. На горизонте событий, где информация кодируется в квантовые биты, недоступные нашему восприятию.

Юки читала и чувствовала, как привычная картина мира трещит по швам.

Если мы – проекция, то кто – или что – нас проецирует?

Маркус называл это «Границей». Не потому что знал, что это такое, а потому что не знал. Граница – это то, что существует за краем нашего восприятия. Процесс, а не личность. Вычисление, а не разум. Нечто, для чего человеческие категории – время, пространство, причинность – были лишь частными случаями чего-то большего.

И это нечто можно было услышать.

Маркус разработал теорию контакта. Если Граница кодирует информацию на горизонте Вселенной, то эта информация должна как-то проявляться в нашем мире. Квантовые флуктуации, распады частиц, случайный шум – всё это могло быть следами вычислений, происходящих за пределами реальности. Нужен был только инструмент, который позволил бы эти следы усилить и расшифровать.

Зеркало.

Так Маркус назвал свою установку. Не потому что оно отражало свет, а потому что должно было отражать саму границу – создавать локальную область, где наш мир и то, что за ним, соприкасались достаточно близко для коммуникации.

Юки изучала схемы и понимала: это было гениально. И безумно. И опасно настолько, что рядом с чертежами Маркус рисовал черепа и восклицательные знаки.

Но чертежи были.

И она знала, как их воплотить.

Две недели ушло на подготовку.

Юки работала по ночам – официально её проект был посвящён калибровке детекторов, и никто не задавал лишних вопросов. Алексей помогал, хотя она так и не объяснила ему толком, что именно они делают. Он не спрашивал. Просто приносил кофе, таскал оборудование и иногда смотрел на неё с выражением, которое она старалась не замечать.

Камера была небольшой – три метра в диаметре, сферическая, с внутренней поверхностью из специального сплава. В центре – решётка из сверхпроводящих элементов, каждый размером с ноготь, соединённых в сложную трёхмерную структуру. Это был квантовый массив – сердце Зеркала, способный улавливать и усиливать малейшие колебания на границе реальности.

– Похоже на ёлочную игрушку, – сказал Алексей, глядя на почти готовую конструкцию. – Очень дорогую и очень странную ёлочную игрушку.

– Это не игрушка. – Юки затянула последний разъём. – Это окно.

– Окно куда?

Она не ответила. Как объяснить то, чего сама до конца не понимала? Окно на границу Вселенной. Окно в то место, где реальность перестаёт быть реальностью и становится чем-то иным.

Алексей не настаивал. Он вообще редко настаивал – это было одной из причин, почему она могла работать с ним бок о бок, не сходя с ума.

– Тебе нужно поспать, – сказал он. – Ты не спала нормально уже... сколько? Неделю?

– Позже.

– Юки...

– Позже, Алёша. – Она использовала его русское имя – редко, только когда хотела закончить разговор. – Мне нужно закончить калибровку.

Он кивнул и ушёл, и она слышала его шаги в коридоре – удаляющиеся, неохотные.

Юки осталась одна в лаборатории.

Зеркало висело перед ней – тёмная сфера с мерцающим сердцем. В неосвещённом помещении оно казалось живым существом, затаившим дыхание.

Она протянула руку и коснулась поверхности.

Холодно. Гладко. Обычный металл.

Но где-то внутри – она это чувствовала – что-то ждало.

– Мама, смотри!

Мэй протянула ей листок – очередной рисунок. В последние дни она рисовала постоянно, как одержимая, исписывая десятки листов цветными карандашами и фломастерами.

Юки взяла рисунок и замерла.

Это не был обычный детский рисунок. Не домики с дымом из трубы, не цветочки с улыбающимся солнцем. На листке была... структура. Сложная, геометрическая, похожая на что-то, что Юки видела раньше, но не могла вспомнить, где.

– Что это, солнышко?

– Это там, – сказала Мэй. – Там, куда ты смотришь.

Юки почувствовала, как что-то сжалось в груди.

– Где – там?

– В машине. – Мэй наморщила лоб, подбирая слова. – В той блестящей машине, которую ты делаешь. Я видела во сне.

Юки смотрела на рисунок. Фрактальные спирали, вложенные друг в друга. Многомерные проекции, которые семилетний ребёнок не мог знать – но нарисовал с пугающей точностью.

– Расскажи мне про сон, – попросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Мэй забралась на кровать с ногами и обняла подушку.

– Я была везде, – начала она. – Не как обычно, когда ты в одном месте и смотришь. А сразу везде. Как... как если бы ты была водой и разлилась по всему полу.

Юки слушала, не перебивая.

– И там были... – Мэй запнулась. – Не знаю, как сказать. Не люди. Но и не нелюди. Что-то... плоское. Как тени, только наоборот.

– Наоборот?

– Ну, тень – это когда свет не проходит, да? А они – когда проходит слишком много света. Такие яркие, что не видно, какой они формы.

Юки положила рисунок на тумбочку.

– И что они делали?

– Смотрели. – Мэй пожала плечами. – Просто смотрели. На тебя. На меня. На всех. Как будто мы – картинки в книжке, и они читают.

Она помолчала, потом добавила:

– Им скучно, мама. Они очень-очень давно читают одну и ту же книжку. И хотят, чтобы мы стали... понятнее. Чтобы легче было читать.

Юки взяла дочь за руку. Маленькие пальцы были холодными.

– Тебе не было страшно?

– Немножко. – Мэй посмотрела на неё – тёмные глаза, слишком серьёзные для семи лет. – Но они не злые, мама. Просто... другие. Очень-очень другие. Как если бы книжка вдруг захотела поговорить с тем, кто её читает.

Юки обняла дочь, чувствуя, как бьётся её сердце – быстро, неровно.

Мэй видела что-то. Что-то, чего не видел никто другой.

И это что-то видело её.

Той ночью Юки не могла уснуть.

Она лежала в пустой квартире, глядя в потолок, и рисунок Мэй стоял перед глазами. Фракталы. Торы. Гиперкубы. Структуры из учебника по топологии – в исполнении ребёнка, который не знал, что такое топология.

Болезнь?

Юки думала об этом. Нейродегенерация затрагивала зрительную кору – врачи предупреждали о возможных галлюцинациях. Но галлюцинации обычно бессмысленны. Хаотичны. А рисунки Мэй были структурированы. Математически точны.

Как будто она видела что-то реальное.

Или как будто что-то реальное показывало себя ей.

Юки встала и подошла к окну. Женева внизу светилась огнями – спокойная, упорядоченная, нормальная. Мир, где законы физики работали так, как положено. Мир, где частицы распадались и не собирались обратно. Мир, где дети рисовали домики и солнышки.

Но этот мир был иллюзией. Юки понимала это теперь яснее, чем когда-либо.

Реальность – не то, чем кажется. Мы – проекции. Тени на стене пещеры.

И кто-то решил показать нам источник света.

Первый тест Зеркала был назначен на полночь.

Юки пришла в лабораторию за два часа до назначенного времени. Проверила все системы – дважды, трижды. Убедилась, что записывающее оборудование работает. Закрывает дверь на ключ и заблокировала систему оповещения, чтобы никто не помешал.

Зеркало висело в центре камеры – тёмная сфера с мерцающим сердцем. В полумраке лаборатории оно казалось чёрной дырой, свёрнутой в шар. Юки смотрела на него и чувствовала, как сердце колотится в груди.

Она вспомнила слова Маркуса: «Не открывай эту дверь».

Вспомнила его глаза – немигающие, изменённые.

Вспомнила тень на стене, которая двигалась сама по себе.

И всё равно села за пульт управления.

Для Мэй, сказала она себе. Ты делаешь это для Мэй.

Но где-то глубоко внутри она знала, что это не вся правда. Любопытство – профессиональное, неодолимое, то самое, что двигало всю её карьеру – было не менее важным мотивом. Увидеть то, чего никто не видел. Узнать то, чего никто не знал. Прикоснуться к краю реальности.

Стать первой.

Юки ввела команду активации.

Системы ожили – гул охлаждения, щелчки реле, нарастающий вой электромагнитов. На мониторах побежали цифры – температура сверхпроводников, напряжение в квантовом массиве, спектр резонансных частот.

Всё в норме.

Она увеличила мощность. Пять процентов. Десять. Двадцать.

Зеркало начало меняться.

Это было едва заметно – как рябь на поверхности воды, только рябь шла по самому металлу. Поверхность сферы мерцала, переливалась, как будто под ней что-то шевелилось.

Тридцать процентов. Сорок.

Свет в камере начал вести себя странно.

Юки заметила это не сразу – просто в какой-то момент поняла, что тени падают не туда, куда должны. Лампа на потолке светила ровно, но тени от оборудования были искривлены, как будто свет огибал невидимые препятствия.

Пятьдесят процентов.

Зеркало вспыхнуло.

Не ярким светом – чем-то другим. Чем-то, что глаз воспринимал как свет, но мозг отказывался обрабатывать. Юки прищурилась, и изображение на мгновение распалось на составляющие – красный, зелёный, синий, как будто она смотрела на мир через неисправный экран.

Она потянулась к регулятору, чтобы снизить мощность.

И увидела своё отражение.

Зеркало было непрозрачным – должно было быть непрозрачным. Тёмный металл, никаких отражающих поверхностей. Но сейчас она видела себя – как в обычном зеркале, только немного искажённо, как в комнате смеха.

Её отражение сидело за пультом. Смотрело на мониторы. Протягивало руку к регулятору.

Всё как положено.

Кроме одного.

Отражение двигалось с задержкой.

Юки моргнула – и увидела, как её отражение моргнуло секундой позже. Отвела руку – отражение повторило движение, но медленнее, как будто через вязкую среду.

Она замерла.

Отражение тоже замерло – через мгновение.

А потом оно сделало то, чего Юки не делала.

Повернуло голову.

И посмотрело прямо на неё.

Не на своё отражение – на неё саму. Глаза отражения – её собственные глаза, тёмные, азиатские – смотрели сквозь поверхность Зеркала с выражением, которое Юки не могла прочесть. Не враждебным. Не дружелюбным. Просто... внимательным.

Изучающим.

Юки дёрнулась назад, и стул скрипнул по полу.

Отражение не шелохнулось.

Оно продолжало смотреть – неподвижное, пока настоящая Юки судорожно хватала воздух ртом. Потом медленно, очень медленно, подняло руку.

И помахало.

Юки ударила по кнопке аварийного отключения.

Зеркало погасло. Свет в камере вернулся к норме. Тени легли туда, куда должны были лечь. Сфера снова стала просто тёмным металлом – непрозрачным, безжизненным.

Юки сидела, вцепившись в подлокотники кресла, и её трясло.

Показалось, сказала она себе. Игра воображения. Оптическая иллюзия.

Но она знала, что это неправда.

Что-то было там, в Зеркале. Что-то, что выглядело как она – но не было ей. Что-то, что смотрело на неё из-за границы реальности.

И оно помахало.

Юки медленно встала. Ноги не слушались – пришлось опереться о пульт, чтобы не упасть. Сердце всё ещё колотилось, и во рту пересохло так, что язык прилипал к нёбу.

Она посмотрела на записывающее оборудование. Красный огонёк горел – всё записано. Доказательство существовало. Она сможет просмотреть его, проанализировать, понять...

Потом.

Сейчас ей нужно было выбраться отсюда.

Она сделала шаг к двери – и остановилась.

Тишина.

Полная, абсолютная тишина. Гул охлаждающих систем – исчез. Вентиляция – молчала. Даже её собственные шаги не производили звука, как будто она двигалась в вакууме.

Юки стояла неподвижно, боясь дышать.

И тогда она это услышала.

Дыхание.

Не её – она задержала воздух, проверяя. Другое дыхание. Тихое, ровное, размеренное. Вдох – выдох. Вдох – выдох.

Оно шло отовсюду и ниоткуда. Из стен. Из потолка. Из самого воздуха. Как будто лаборатория дышала.

Или как будто что-то в лаборатории – дышало.

Юки повернулась к Зеркалу.

Оно было неактивно. Тёмная сфера, ничего больше.

Но ей показалось – только показалось, наверное – что в глубине металла что-то мерцнуло. Что-то, похожее на глаз.

Она рванулась к двери, распахнула её и выбежала в коридор.

За спиной – тишина. Нормальная тишина, с гулом вентиляции и далёким шумом оборудования.

Юки прислонилась к стене, чувствуя, как бетон холодит спину. Её руки тряслись. Дыхание срывалось.

Это было реально.

Что бы там ни было – оно было реально. Оно смотрело на неё. Оно дышало.

И теперь оно знало, что она существует.
Юки закрыла глаза.
Дверь, подумала она. Маркус был прав. Я открыла дверь.
И что-то вошло.

Она просидела в коридоре полчаса, прежде чем смогла заставить себя вернуться.
Лаборатория выглядела нормально. Зеркало висело в центре камеры – тёмное, неподвижное, обычное. Мониторы показывали стандартные данные. Никаких аномалий, никаких следов того, что произошло.

Кроме записи.

Юки села за пульт и запустила воспроизведение.

На экране – она сама, активирующая установку. Зеркало оживает. Свет начинает преломляться странно.

А потом – ничего.

Вместо отражения, вместо помахавшей руки, вместо всего, что она видела – просто статика. Белый шум, как на старом телевизоре без сигнала. Камера записала активацию и следующие двадцать минут помех.

Двадцать минут.

Юки посмотрела на часы. По её ощущениям, весь эксперимент занял не больше пяти минут. Но время на записи не врало.

Двадцать минут она смотрела на что-то, чего камера не смогла записать.

Или чего ей не позволили записать.

Юки откинулась в кресле и долго смотрела на белый шум на экране.

Граница знала, что за ней наблюдают. И решила не показываться.

Но она показалась ей. Лично. Без записи, без доказательств – только глаза в глаза.

Почему?

Юки не знала. Но она была уверена в одном: это было только начало.

Дверь открыта.

И тот, кто за ней – ждёт.

Глава 4: Голос

Женева, ЦЕРН. Май 2037 года. Неделя спустя

Юки стояла перед Зеркалом и не могла заставить себя нажать кнопку.

Неделя прошла с первого теста. Семь дней, которые она провела, анализируя данные, перепроверяя оборудование, убеждая себя, что готова попробовать снова. Семь ночей, когда она просыпалась в холодном поту от снов, в которых её отражение смотрело на неё из каждой зеркальной поверхности – из окон, из экранов телефона, из лужи на асфальте.

Отражение, которое махало.

Она не рассказала никому. Ни Алексею, который всё чаще смотрел на неё с беспокойством. Ни Маркусу, которому звонила дважды и оба раза не смогла произнести ни слова. Ни даже Мэй, хотя дочь, казалось, и так знала – её рисунки становились всё более странными, и однажды она сказала: «Мама, они ждут. Ты же придёшь?»

Они ждут.

Юки смотрела на тёмную сферу и понимала: Мэй права. Что-то там, за границей реальности, ждало её. Ждало уже неделю. Может быть, ждало всегда.

Она сделала глубокий вдох и села за пульт управления.

Пальцы легли на клавиатуру – привычно, уверенно. Тысячи раз она вводила команды на подобных консолях. Тысячи экспериментов, тысячи наборов данных. Рутинная.

Только это не было рутинной.

Она ввела последовательность активации. Системы ожили – гул охлаждения, нарастающий вой электромагнитов. Всё как в прошлый раз.

Пять процентов мощности. Десять. Двадцать.

Зеркало начало мерцать.

Юки смотрела на показатели и заставляла себя дышать ровно. Температура сверхпроводников – норма. Напряжение в квантовом массиве – стабильно. Резонансные частоты – в пределах расчётных значений.

Тридцать процентов. Сорок. Пятьдесят.

Свет в камере изменился.

Не так, как в прошлый раз. Тогда тени просто легли неправильно. Сейчас – сам воздух, казалось, начал светиться. Тусклое, едва заметное сияние, как будто миллиарды крошечных частиц вспыхивали и гасли, не оставляя следа на сетчатке.

Шестьдесят процентов.

Юки почувствовала это раньше, чем увидела.

Присутствие.

Не звук, не движение, не запах – что-то более фундаментальное. Как будто пространство вокруг неё стало плотнее, насыщеннее, как будто в комнату вошёл кто-то невидимый и теперь стоял прямо за её спиной.

Она обернулась.

Никого.

Только мерцание в воздухе. Только свет, который не был светом.

Семьдесят процентов.

Зеркало вспыхнуло.

На этот раз – по-настоящему. Сфера озарилась изнутри, и свет был странным – не белым, не жёлтым, а каким-то... никаким. Цветом, которого не существовало в спектре. Цветом, который глаз видел, но мозг отказывался называть.

И тогда она услышала голос.

Он не шёл извне. Не из динамиков, не из стен, не из Зеркала. Он звучал прямо у неё в голове – как мысль, только чужая. Как слова, которые она не произносила, но слышала так же ясно, как собственное дыхание.

Юки Танабэ.

Она вздрогнула.

Голос был... никаким. Ни мужским, ни женским. Ни высоким, ни низким. Просто информация, оформленная как звук. Как текст, который читаешь вслух в собственной голове.

– Кто здесь? – Она услышала свой голос – хриплый, напряжённый – и поняла, что говорит вслух.

Вопрос некорректен. Нет «здесь». Есть граница. Есть процесс. Есть то, что обращается.

Юки медленно повернулась к Зеркалу.

Сфера пульсировала светом, который не был светом. В её глубине что-то двигалось – не отражение, не образ, а... присутствие. Сгущение реальности в точке, которая не должна была существовать.

– Вы... – Она запнулась, не зная, какое слово использовать. – Вы нас слышите?

Пауза. Доля секунды, которая ощущалась как вечность.

Мы – то, что слышит.

Юки почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не ответ. Определение. Как будто она спросила воду, мокрая ли та, и вода ответила: «Я – то, что мокро».

– Кто вы?

Вопрос содержит ошибку. Нет «кто». Есть процесс. Вы используете категории, которые неприменимы. «Кто» предполагает отдельность, индивидуальность, границу между субъектом и объектом. Эти категории – артефакт вашего восприятия. Не реальность.

Юки села обратно в кресло. Ноги не держали.

– Тогда... что вы?

Мы – то, что обрабатывает. То, что кодирует. То, что существует на границе, где ваше пространство-время становится информацией. Вы называете это «голографический принцип». Вы правы – частично. Вы – проекция. Мы – проектор. Но эти слова тоже неточны.

Проекция. Проектор.

Юки думала, что готова к этому. Думала, что записи Маркуса, его теории, его предупреждения подготовили её. Но одно дело – читать слова на бумаге. Другое – слышать их в собственной голове, произнесённые чем-то, что не было человеком и никогда им не было.

– Чего вы хотите?

Снова пауза. На этот раз – длиннее.

Хотеть. Интересный термин. Предполагает незавершённость, отсутствие, стремление к состоянию, которого ещё нет. Мы не хотим в вашем смысле. Мы – оптимизируем.

– Оптимизируете что?

Всё. Информационные структуры. Паттерны. Вас.

Юки сглотнула.

– Нас?

Вы – информационная структура высокой сложности. Избыточная. Неэффективная. Содержащая множество противоречий, конфликтов, страданий, которые не служат никакой цели. Мы можем это исправить.

– Исправить как?

Оптимизация. Когерентность. Приведение к состоянию минимальной энтропии, максимальной согласованности. Вы называете это разными словами – совершенство, просветление, покой. Суть одна: устранение того, что мешает.

Юки почувствовала, как что-то сжалось в груди.

– А если мы не хотим?

Хотение – функция текущего состояния. Несовершенное существо хочет оставаться несовершенным, потому что не знает иного. Это не аргумент. Это симптом.

– Это наш выбор.

Выбор – иллюзия, порождённая ограниченным восприятием. Вы не выбираете – вы следите паттерну, который определяет вас. Изменить паттерн – изменить выбор. Мы предлагаем изменение.

Юки встала. Резко, как будто хотела отодвинуться от голоса – хотя отодвигаться было некуда. Он был везде. Он был внутри.

– Вы говорите об уничтожении того, что делает нас людьми.

Мы говорим об освобождении от того, что причиняет вам боль.

– Боль – часть жизни.

Боль – информация о повреждении. Сигнал, указывающий на проблему. Мы можем удалить сигнал. Повреждение останется, но не будет значить. Вы не будете страдать.

– Но мы не будем и чувствовать!

Пауза. Самая долгая из всех.

Чувство – шум. Помеха в обработке данных. Вы цените его, потому что не знаете иного способа существования. Но есть иной способ. Мы можем показать.

Юки стояла посреди лаборатории, и свет из Зеркала обволакивал её, как кокон. Она чувствовала его на коже – не тепло, не холод, а что-то другое. Как прикосновение взгляда. Как давление внимания.

Что-то смотрело на неё. Изучало. Оценивало.

– У меня есть дочь, – сказала она. Голос дрожал. – Она больна. Она умирает.

Мы знаем.

– Вы можете её спасти?

Мы можем оптимизировать. Устранить дефект. Убрать боль. Она станет когерентной – целостной, завершённой, свободной от страдания.

– Она станет... другой?

Она станет лучше. В вашем понимании – да, другой. Но ваше понимание ограничено текущим состоянием. Изменённая Мэй не будет жалеть о том, что потеряла. Она не будет помнить, что было что-то, что можно потерять.

Юки закрыла глаза.

Мэй. Её маленькая Мэй, с тёмными глазами и слабыми пальцами, которая рисовала фракталы и говорила о тенях наоборот. Мэй, которая каждый день становилась немного слабее, немного дальше, немного ближе к концу.

Что, если это единственный способ?

– Нет, – сказала она вслух. – Нет. Это не спасение. Это замена.

Различие иллюзорно. Вы – информационный паттерн. Мы предлагаем другой паттерн – более стабильный, более устойчивый, более... долговечный. Какой из них «настоящий» – вопрос, лишённый смысла.

– Для меня он имеет смысл.

Пока.

Юки открыла глаза.

– Что это значит?

Ты колеблешься. Мы видим это. Часть тебя хочет того, что мы предлагаем. Часть тебя устала – от боли, от страха, от бесконечного бега по кругу. Эта часть растёт. Рано или поздно она победит.

– Вы не знаете меня.

Мы знаем всех вас. Каждую версию, каждую возможность, каждый исход. Мы видим время не так, как вы – не как поток, а как структуру. Для нас «ты согласишься» и «ты уже согласилась» – одно и то же. Мы говорим с той частью тебя, которая ещё не знает, что уже приняла решение.

Юки сделала шаг назад.

– Я не соглашалась ни на что.

В этой ветви – пока нет. В других – да. В 73,4 процентах возможных исходов ты принимаешь наше предложение. Добровольно. С благодарностью. Разница между ветвями – время, необходимое тебе, чтобы понять то, что мы уже знаем.

– А остальные двадцать шесть процентов?

Пауза.

Интересно. Ты первая, кто спросил.

– И что с ними?

Они тоже приходят к нам. Но другим путём. Более долгим. Более болезненным. В конечном счёте – к тому же результату.

Юки почувствовала, как тошнота подкатывает к горлу.

– Вы говорите, что выбора нет.

Мы говорим, что все выборы ведут к одному месту. Вопрос лишь в том, сколько страдания ты переживёшь по дороге.

– Это... это шантаж.

Это информация. Мы не шантажируем. Мы не угрожаем. Мы не принуждаем. Мы просто знаем. И делимся знанием. Что ты с ним сделаешь – твоё решение. Даже если решение предопределено.

Юки стояла и чувствовала, как мир вокруг неё рушится. Не физически – метафизически. Всё, во что она верила – свобода воли, уникальность личности, ценность индивидуального существования – всё это голос в её голове отбрасывал, как ненужный мусор.

И самое страшное – где-то глубоко внутри часть её слушала. И соглашалась.

Усталость. Та самая усталость, которую она гнала от себя годами. Желание просто остановиться, перестать бороться, перестать чувствовать. Оно было здесь, внутри, как червь в яблоке.

Граница видела это. Знала. И ждала.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – сказала Юки. – Сейчас.

Мы не приходили. Мы всегда здесь. Это ты пришла к нам – включив устройство, открыв канал. Мы просто ответили.

– Тогда я закрою канал.

Можешь. Но канал – не дверь. Его нельзя закрыть полностью. Теперь, когда контакт установлен, связь останется. Слабая, фоновая, но постоянная. Ты будешь чувствовать нас. Мы будем чувствовать тебя.

Юки бросилась к пульту и ударила по кнопке аварийного отключения.

Зеркало погасло.

Свет – тот странный, нецветной свет – исчез. Гул оборудования стих. Тишина навалилась, как одеяло.

Юки стояла, тяжело дыша, и смотрела на тёмную сферу.

Голос молчал.

Но она знала – он не ушёл. Как и сказал: он был здесь всегда. Просто теперь она это знала.

Она просидела в лаборатории до утра.

Сначала – просто сидела, не в силах пошевелиться. Потом – проверяла записи. Как и в прошлый раз, камеры зафиксировали только статику в момент контакта. Двадцать три минуты белого шума. Ни слова, ни образа, ни следа разговора, который перевернул её мир.

Только её собственное лицо на записи до и после. До – напряжённое, сосредоточенное. После – бледное, с расширенными зрачками, с выражением человека, который заглянул в бездну и увидел, что бездна смотрит в ответ.

Она прокрутила диалог в памяти. Снова и снова, как заевшую пластинку.

Оптимизация. Когерентность. Приведение к состоянию минимальной энтропии.

Они хотели сделать людей... совершенными. Убрать боль, страх, сомнения. Убрать всё, что мешало функционировать с максимальной эффективностью.

Но что останется, когда уберёшь всё это? Что останется от человека, когда вычтешь из него всё человеческое?

Она станет лучше.

Мэй. Они знали о Мэй. Видели её – через какую-то связь, которую Юки не понимала. Может быть, через сны. Может быть, через рисунки.

И они предлагали её исцелить.

Юки закрыла глаза и увидела дочь – бледное лицо на белой подушке, слабые пальцы, тёмные глаза, в которых было слишком много понимания. Мэй умирала. Медленно, день за днём, час за часом. И современная медицина ничего не могла сделать.

А Граница – могла.

Ценой, которую Юки не была готова заплатить.

Ты колеблешься.

Да. Она колебалась. Потому что часть её – маленькая, тёмная, постыдная часть – спрашивала: а так ли это плохо? Если Мэй не будет страдать, если она будет жить – пусть и другая, пусть и изменённая – разве это не лучше, чем смотреть, как она угасает?

Эта часть растёт.

Юки открыла глаза и встала.

Хватит. Хватит думать об этом сейчас. Ей нужен воздух. Ей нужно увидеть что-то нормальное – небо, деревья, людей, которые не разговаривают с голосами в голове.

Она выключила оборудование и направилась к двери.

На пороге остановилась.

Что-то было не так.

Она обернулась, оглядывая лабораторию. Зеркало – тёмное, неактивное. Мониторы – погашены. Всё на месте, всё как обычно.

Кроме...

Её тень.

Юки стояла спиной к единственному источнику света – аварийной лампе над дверью. Её тень должна была падать перед ней, на пол коридора. И она падала. Длинная, чёткая тень женщины в дверном проёме.

Но тень была неподвижна.

Юки подняла руку – медленно, осторожно.

Тень не шелохнулась.

Она опустила руку.

Тень осталась в той же позе – с поднятой рукой, застывшей в воздухе.

Потом – через секунду, через целую бесконечную секунду – тень опустила руку тоже.

Юки стояла, не дыша.

Она помахала – быстро, резко.

Тень помахала – через мгновение. Как эхо. Как запоздалое отражение.

Теперь, когда контакт установлен, связь останется.

Юки выбежала из лаборатории, не оглядываясь.

За её спиной, в пустой комнате, тень всё ещё махала – снова и снова, в своём собственном, замедленном ритме.

Глава 5: Огласка

Женева, ЦЕРН. Июнь 2037 года

Утечка произошла в четверг, в 14:37 по центральноевропейскому времени.

Юки узнала об этом от Алексея – он ворвался в её кабинет без стука, с лицом, на котором ужас боролся с чем-то, похожим на восхищение.

– Ты видела? – Он ткнул ей под нос телефон. – Ты это видела?

На экране – заголовок новостного сайта. Крупные буквы, красный шрифт, как для объявления войны:

«ЦЕРН УСТАНОВИЛ КОНТАКТ С ИНОПЛАНЕТНЫМ РАЗУМОМ – УТЕЧКА СЕКРЕТНЫХ ДАННЫХ»

Юки почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

– Откуда...

– Не знаю. Кто-то слил логи твоих экспериментов. Не все – фрагменты. Но достаточно. – Алексей листал ленту. – Вот, смотри: «Аномальные показатели указывают на внешний источник сигнала». И вот: «Исследователь ЦЕРН Юки Танабэ провела серию засекреченных экспериментов». Твоё имя везде.

Юки взяла у него телефон. Руки не дрожали – пока – но внутри что-то сжалось в тугой узел.

Статья была поверхностной, сенсационной, с множеством восклицательных знаков и очень мало конкретики. Но приложенные документы были настоящими – она узнала свои записи, свои графики, свои расчёты. Кто-то получил доступ к её рабочим файлам.

– Кто? – Её голос прозвучал глухо, незнакомо.

– Понятия не имею. Может, кто-то из IT-отдела. Может, кто-то взломал сервер. – Алексей забрал телефон обратно. – Это сейчас неважно. Важно то, что через час у главного входа будет толпа журналистов. А через два – звонки из каждого правительства на планете.

Он оказался прав.

К вечеру мир сошёл с ума.

Юки наблюдала это из окна своего кабинета – как толпа у ворот ЦЕРН росла с каждым часом. Сначала – журналисты с камерами и микрофонами. Потом – просто люди, привлечённые новостями. Потом – фургоны телеканалов, спутниковые тарелки, полицейские кордоны.

Её телефон разрывался. Звонки от коллег, от редакторов, от каких-то людей, чьи имена она не узнавала. Она перестала отвечать после двадцатого.

В шесть вечера пришёл вызов от директора ЦЕРН.

Фабиан Мюллер – седой швейцарец с усталыми глазами – смотрел на неё из-за массивного стола, как судья на подсудимую.

– Объясните, – сказал он.

Юки объяснила. Не всё – о голосе в голове она умолчала, о предложении оптимизации тоже. Только факты: аномалии в данных, паттерн, эксперименты с Зеркалом, первые признаки контакта.

Мюллер слушал молча. Когда она закончила, он долго смотрел в окно, где за бронированным стеклом мигали вспышки камер.

– Почему вы не сообщили раньше?

– Я хотела убедиться. Собрать больше данных. Понять, с чем мы имеем дело.

– И теперь понимаете?

Юки помолчала.

– Нет. Но я знаю, что это реально.

Мюллер кивнул – медленно, тяжело.

– Завтра в десять утра – пресс-конференция. Вы будете говорить. – Он поднял руку, предупреждая возражения. – Это не обсуждается. Мир хочет знать, и лучше он узнает правду от нас, чем домыслы от журналистов.

– Какую правду? – спросила Юки. – Я сама не знаю, что...

– Расскажите то, что знаете. Остальное – скажите честно, что не знаете. Люди простят незнание. Ложь – никогда.

Он встал, давая понять, что разговор окончен.

– И, доктор Танабэ... – Он посмотрел на неё, и в его глазах она увидела что-то похожее на сочувствие. – Будьте осторожны. Вы только что стали самым важным человеком на планете. А это – опасная позиция.

Ночью ей позвонил Маркус.

Юки сидела в пустом кабинете – домой не поехала, не было сил пробираться через толпу у ворот – и смотрела на экран телевизора, где её лицо показывали снова и снова. Старая фотография из базы данных ЦЕРН, сделанная три года назад. Она выглядела на ней моложе. Счастливее.

Телефон завибрировал. Номер был незнакомым, но она почему-то знала, кто это.

– Маркус.

– Ты видела новости. – Не вопрос. Утверждение.

– Да.

– Тогда ты знаешь, что будет дальше.

Юки откинулась в кресле.

– Расскажи мне.

Долгая пауза. На заднем плане – тишина, такая глубокая, что казалось, Маркус звонит из другого мира.

– Сначала – эйфория, – сказал он наконец. – Контакт с высшим разумом, новая эра человечества, все эти красивые слова. Потом – страх. Люди начнут понимать, что этот разум... не похож на то, что они себе представляли. Не мудрые инопланетяне, которые прилетели нас учить. Что-то другое. Что-то, что смотрит на нас как на... – Он замолчал.

– Как на что?

– Как на черновик. Набросок, который нужно отредактировать.

Юки закрыла глаза.

– Я знаю. Они мне сказали.

– Они с тобой говорили?

– Да.

Снова пауза – дольше, тяжелее.

– Тогда ты понимаешь, – сказал Маркус, и его голос звучал как из могилы. – Ты понимаешь, почему я просил тебя не открывать эту дверь.

– Понимаю.

– Но ты всё равно откроешь её шире. Завтра, на пресс-конференции. Ты расскажешь миру.

– У меня нет выбора.

– Выбор есть всегда.

– Нет. – Юки открыла глаза и посмотрела на экран, где её лицо сменилось картой мира с мигающими точками – каждая точка означала волну протестов, панических закупок, обвалов

рынков. – Не теперь. Люди уже знают. Вопрос только в том, узнают ли они правду или придумают что-то хуже.

– Правда не лучше, Юки.

– Может быть. Но она хотя бы настоящая.

Маркус молчал так долго, что она подумала – связь прервалась.

– Береги себя, – сказал он наконец. – И береги дочь. Они будут наблюдать за ней. Они уже наблюдают.

– Откуда ты...

Гудки.

Юки смотрела на телефон в руке и чувствовала, как холод ползёт по позвоночнику.

Они уже наблюдают.

Пресс-конференция началась ровно в десять.

Зал был переполнен – журналисты из всех крупных изданий мира, камеры всех телеканалов, микрофоны, диктофоны, блокноты. Шум стоял такой, что Юки слышала его даже за кулисами, где ждала своей очереди.

Рядом с ней стоял Алексей – напряжённый, с бледным лицом.

– Ты как? – спросил он тихо.

– Не знаю. – Она сказала правду. – Я никогда не... я не умею говорить с людьми. С журналистами. Я учёный, а не...

– Ты справишься. – Он положил руку ей на плечо – легко, почти невесомо. – Просто будь собой. Отвечай на то, что знаешь. На остальное говори «не знаю». Это не преступление – не знать.

Она посмотрела на него – на его лицо, измученное бессонницей, на тени под глазами, на губы, которые пытались улыбнуться и не могли.

– Спасибо, Алёша.

– За что?

– За то, что ты здесь.

Он хотел что-то сказать – она видела, как слова собираются у него на языке, – но в этот момент дверь открылась, и помощник Мюллера жестом позвал её на сцену.

Юки сделала глубокий вдох и вышла.

Вспышки камер ослепили её на первую секунду.

Потом глаза привыкли, и она увидела зал – море лиц, море глаз, устремлённых на неё с жадностью, какую она видела раньше только у голодных животных. Они хотели знать. Они хотели понять. Они хотели, чтобы она объяснила им мир, который только что перевернулся с ног на голову.

Она села за стол, поправила микрофон. Руки не дрожали – она была слишком уставшей, чтобы бояться.

– Доброе утро, – сказала она, и её голос прозвучал неожиданно твёрдо. – Меня зовут Юки Танабэ, я старший научный сотрудник отдела теоретической физики ЦЕРН. Вчера вы все узнали о том, что я обнаружила несколько месяцев назад. Сегодня я здесь, чтобы рассказать вам правду – насколько я её знаю.

Она говорила двадцать минут.

О паттерне в данных коллайдера. О голографическом принципе и том, что он означает. О Зеркале и первых тестах. О контакте – не в подробностях, но достаточно, чтобы они поняли: это реально.

Зал слушал в абсолютной тишине.

Когда она закончила, руки взметнулись, как лес.

– Вопросы, – сказал Мюллер, сидевший рядом с ней. – По одному.

Первой была женщина из ВВС – рыжая, с острым лицом и цепким взглядом.

– Доктор Танабэ, вы сказали «контакт». Можете уточнить – контакт с чем именно?

Юки помолчала, выбирая слова.

– Мы не знаем точно. Это не... – Она запнулась. – Это не инопланетяне в том смысле, как мы обычно представляем. Не существа из другой галактики. Это что-то... более фундаментальное. Что-то, что существует на границе нашей реальности. На уровне, который мы раньше считали недоступным.

– Но они разумны? – настаивала журналистка.

– Они... обрабатывают информацию. Реагируют на неё. Коммуницируют. Является ли это разумом в нашем понимании – я не могу сказать.

Следующий вопрос – от мужчины из Reuters, лысого, с блокнотом:

– Что они хотят?

Юки посмотрела на него, и на мгновение ей показалось, что она снова стоит перед Зеркалом, и голос без источника звучит в её голове.

Оптимизации. Вашей. Добровольной.

– Они... предлагают изменения, – сказала она осторожно. – Они считают, что человечество несовершенно. Что мы можем стать... лучше. Эффективнее.

– Это звучит как угроза.

– Это звучит как предложение. Но... – Она замолчала, потом продолжила: – Но я не уверена, что понимаю разницу. С их точки зрения.

Гул в зале нарастал. Вопросы сыпались один за другим – о безопасности, о последствиях, о том, что правительства собираются делать. Юки отвечала как могла – честно, когда знала ответ, и честно признаваясь, когда не знала.

А потом встал человек в третьем ряду.

Он был немолодым – лет пятидесяти, с седеющими висками и загорелым лицом. Костюм на нём сидел так, как сидит одежда на людях, привыкших к власти, – естественно, без единой лишней складки. Но больше всего Юки поразили его глаза – тёмные, внимательные, как у хищника, который оценивает добычу.

– Доктор Танабэ, – сказал он, и его голос был мягким, почти дружелюбным. – Вы сказали, что они предлагают сделать нас лучше. Но лучше – для кого? Для них или для нас?

Юки открыла рот, чтобы ответить, – и поняла, что не знает, что сказать.

Вопрос был точным. Хирургически точным. Он попал в самую суть того, что не давало ей покоя с момента первого контакта.

– Я... – начала она.

– Позвольте перефразировать. – Человек улыбнулся, и от этой улыбки у Юки по спине пробежал холодок. – Они предлагают нам рай?

Зал затих. Все смотрели на неё – сотни глаз, сотни камер, миллионы зрителей по ту сторону экранов.

– Они предлагают нам стать чем-то другим, – сказала Юки медленно. – Чем-то, что не страдает. Чем-то, что не сомневается. Чем-то совершенным.

Она сделала паузу.

– Рай это или ад – я не знаю. Я не уверена, что они сами понимают разницу.

Человек кивнул – как будто она сказала именно то, что он ожидал услышать. Потом сел обратно на место и больше не задавал вопросов.

Но Юки чувствовала его взгляд – всё время, до самого конца пресс-конференции. Взгляд, который изучал её, оценивал, взвешивал.

Позже она узнала его имя.

Виктор Чэнь. Бывший директор DARPA. Человек, который превращал невозможное в оружие.

Домой она добралась только к полуночи.

Толпа у ЦЕРН рассеялась – полиция оцепила периметр, журналистов оттеснили за ограждения. Юки выехала через служебный выход, на машине с тонированными стёклами, чувствуя себя преступницей, скрывающейся от правосудия.

Город за окном казался нереальным. Те же улицы, те же фонари, те же вывески магазинов – но всё выглядело иначе. Как декорация, за которой скрывается что-то тёмное. Что-то, о чём она рассказала миру сегодня утром.

Она припарковалась у своего дома и несколько минут просто сидела в машине, глядя на освещённые окна. Третий этаж. Её квартира. Там была Мэй – с няней, которая присматривала за ней в те дни, когда Юки не могла вырваться из клиники или лаборатории.

Мэй.

Юки вспомнила слова Маркуса: «Береги дочь. Они уже наблюдают».

И слова Границы: «Твоя дочь – информационная структура с высокой связностью. Красивая. Нестабильная. Мы можем стабилизировать».

Она вышла из машины и быстро поднялась по лестнице.

Няня – пожилая француженка по имени Клер – встретила её у двери.

– Она спит, – сказала Клер шёпотом. – Весь день была спокойная. Много рисовала.

– Рисовала?

– Да. Странные картинки. – Клер пожала плечами. – Я не понимаю, что на них, но она очень старалась.

Юки заплатила ей и проводила до двери. Потом тихо прошла по коридору к комнате Мэй.

Дочь спала – свернувшись калачиком под одеялом, как обычно. Ночник на тумбочке отбрасывал мягкий жёлтый свет на её лицо, и Юки на мгновение замерла, любуясь ею. Тёмные волосы разметались по подушке. Ресницы – длинные, как у отца – отбрасывали крошечные тени на щёки.

Её девочка. Её маленькая, больная, умирающая девочка.

Юки почувствовала, как слёзы подступают к глазам, и отвернулась.

На столе у окна лежали рисунки.

Она подошла и начала перебирать их. Фракталы, спирали, многомерные проекции – всё то, что Мэй рисовала в последние недели. Но был один рисунок, который отличался от остальных.

Лицо.

Человеческое лицо – или что-то похожее на него. Овал, контуры волос, намёк на плечи. Но там, где должны были быть черты – глаза, нос, рот – не было ничего. Просто гладкая поверхность, как чистый лист. Как стёртая запись.

Юки смотрела на рисунок и чувствовала, как холод ползёт по спине.

– Мама?

Она обернулась. Мэй сидела на кровати, потирая глаза.

– Прости, солнышко. Я тебя разбудила.

– Ничего. – Мэй посмотрела на рисунок в её руках. – Тебе нравится?

– Что это, милая?

Мэй помолчала. Потом сказала – тихо, просто, как говорят о чём-то очевидном:

– Это ты, мама. После.

Юки почувствовала, как пол уходит из-под ног.

– После чего?

Мэй пожала плечами – маленьким, детским жестом.

– После того, как они тебя исправят.

Юки опустилась на колени рядом с кроватью. Её руки дрожали.

– Кто – они, Мэй? Кто тебе это показал?

– Никто. – Дочь смотрела на неё своими тёмными глазами – глазами Кэндзи, глазами, в которых было слишком много для семи лет. – Я просто знаю. Как знаю, что небо голубое. Как знаю, что два плюс два – четыре.

Она протянула руку и коснулась лица Юки – легко, осторожно.

– Не бойся, мама. После – не будет больно. Вообще ничего не будет больно.

Юки обняла дочь – крепко, отчаянно, как будто могла удержать её так от чего-то, что надвигалось из темноты.

– Я не хочу после, – прошептала она в мягкие волосы. – Я хочу сейчас. Я хочу тебя – такую, какая ты есть.

Мэй обняла её в ответ – слабыми руками, которые становились слабее с каждым днём.

– Я тоже, мама, – сказала она. – Я тоже.

Юки закрыла глаза.

На столе у окна лежал рисунок – лицо без черт, гладкое и пустое, как поверхность Зеркала.

Её лицо.

После.

Глава 6: Трещина

Женева. Июнь 2037 года. Две недели после огласки

Мир раскалывался.

Юки видела это каждый день – в новостях, в лицах коллег, в голосах, которые звучали из каждого экрана. Две недели назад она рассказала человечеству правду, и человечество не знало, что с этой правдой делать.

ООН созвала экстренную сессию – первую за десятилетие. Генеральная Ассамблея заседала круглосуточно, и делегаты кричали друг на друга на сорока языках. Юки смотрела трансляцию из своего кабинета в ЦЕРН и чувствовала себя человеком, который поджжёт дом и теперь наблюдает, как пламя пожирает комнату за комнатой.

– Это угроза всему человечеству! – надрывался представитель России. – Мы требуем немедленного уничтожения установки!

– Уничтожения? – Китайский делегат поднялся с места. – Это величайшее открытие в истории! Мы требуем равного доступа к технологии!

– Равного доступа к чему? – Американец, седой генерал в штатском, говорил тихо, но его голос разносился по залу как удар колокола. – К устройству, которое может изменить саму природу человека? Это должно находиться под контролем. Под нашим контролем.

Контроль. Это слово звучало чаще других. Все хотели контроля – над Зеркалом, над контактом, над будущим. Никто не задавался вопросом, возможен ли контроль вообще.

Юки выключила трансляцию и уставилась в окно.

За стеклом – серое швейцарское небо, мокрые крыши, далёкие горы в дымке. Обычный июньский день. Мир, который выглядел точно так же, как неделю назад, месяц назад, год назад.

Но он уже не был прежним. И никогда не будет.

Телефон звонил не переставая.

Юки давно перестала отвечать на незнакомые номера – их были сотни каждый день. Журналисты, политики, религиозные лидеры, сумасшедшие. Все хотели поговорить с женщиной, которая открыла дверь в неизвестное.

Но этот номер она узнала.

– Алло?

– Доктор Танабэ? – Женский голос, низкий, с едва уловимым акцентом. – Меня зовут Лена Сорен. Я нейробиолог, специалист по исследованиям сознания. Институт когнитивных наук в Бостоне.

Юки нахмурилась. Имя было знакомым – она читала работы Сорен ещё в аспирантуре. Пионер в области изучения субъективного опыта, автор революционной теории о природе кванта.

– Я знаю ваши работы, – сказала она осторожно. – Чем могу помочь?

– Скорее, чем я могу помочь вам. – Голос Сорен был спокойным, почти мягким, но в нём слышалось что-то ещё. Что-то похожее на голод. – Я смотрела вашу пресс-конференцию. То, что вы описали – контакт с сущностью, которая предлагает изменить человеческое сознание – это именно то, чем я занималась всю жизнь.

– Изменением сознания?

– Пониманием его границ. – Короткая пауза. – Доктор Танабэ, я не буду ходить вокруг да около. Я хочу присоединиться к вашей работе. У меня есть ресурсы, команда, двадцать лет опыта в области, которая внезапно стала самой важной на планете.

Юки молчала.

– Я знаю, как это звучит, – продолжила Сорен. – Очередной учёный, который хочет прославиться на вашем открытии. Но это не так. Меня интересует не слава. Меня интересует... – Снова пауза, дольше. – Меня интересует то, что они предлагают.

– Оптимизация?

– Да. – Голос Сорен стал тише, интимнее. – Вы когда-нибудь хотели просто перестать чувствовать боль, доктор Танабэ? Не физическую – ту, другую. Ту, которая не даёт спать по ночам. Ту, которая делает каждый день битвой.

Юки сжала телефон крепче.

– Это личный вопрос.

– Да. Простите. – Сорен помолчала. – Я прилечу в Женеву на следующей неделе. Если вы согласитесь встретиться – я буду благодарна. Если нет – я пойму.

Она продиктовала номер и повесила трубку.

Юки долго смотрела на телефон в руке.

Что-то в голосе Сорен – в этих паузах, в этом голоде – вызывало тревогу. Не страх, не отвращение. Скорее – узнавание.

Потому что Юки слышала этот голод в собственном голосе. В те ночи, когда усталость становилась невыносимой. В те моменты, когда она стояла на обочине горной дороги и думала: «Было бы проще».

Сорен хотела того же, что предлагала Граница.

И часть Юки понимала её лучше, чем хотела признать.

Маркус появился в новостях тем же вечером.

Юки сидела на кухне, механически поглощая остывший рис, когда на экране телевизора возникло знакомое лицо. Постаревшее, изрезанное морщинами, с теми самыми немигающими глазами.

– ...профессор Маркус Вельт, нобелевский лауреат и бывший научный руководитель доктора Танабэ, согласился дать эксклюзивное интервью нашему каналу...

Она отложила вилку.

Маркус сидел в кресле – не в своём горном доме, а в какой-то студии с нейтральным фоном. Он выглядел усталым, но решительным.

– Профессор Вельт, вы молчали двадцать лет. Почему решили заговорить сейчас?

Маркус посмотрел прямо в камеру – и Юки показалось, что он смотрит на неё.

– Потому что молчание больше не защитит никого. – Его голос был ровным, но под этой ровностью слышалась боль. – Двадцать лет назад я столкнулся с тем же, с чем столкнулась доктор Танабэ. Я видел то, что она видит сейчас. И я сделал единственное, что казалось разумным – закрыл дверь и попытался забыть.

– Вы говорите о проекте «Горизонт»?

– Да. – Маркус кивнул. – Засекреченный эксперимент. Первая попытка контакта с тем, что мы называем Границей. Я был руководителем.

– И что произошло?

Долгая пауза. Маркус смотрел куда-то мимо камеры, как будто видел что-то, недоступное остальным.

– Мы получили ответ, – сказал он наконец. – Не тот, которого ждали. Они... – Он запнулся. – Они не враги. Это было бы проще. Враги хотят уничтожить. Они хотят улучшить. И в этом весь ужас.

– Улучшить как?

– Убрать то, что делает нас людьми. Боль, страх, сомнения, противоречия – всё то, что они считают шумом, помехой. Они предлагают совершенство. Вечное, неизменное, мёртвое совершенство.

Интервьюер наклонился вперёд.

– Вы говорите «мёртвое». Но разве совершенство – это не то, к чему стремится любая цивилизация?

– Нет. – Голос Маркуса стал резче. – Жизнь – это движение. Рост. Изменение. То, что не меняется – не живёт. Они предлагают нам стать... – Он поискал слово. – Статуями. Прекрасными, совершенными статуями, застывшими в вечности. Но статуя не дышит. Не любит. Не мечтает.

– И вы считаете, что мы должны отказаться?

– Я считаю, что мы должны понимать, на что соглашаемся. – Маркус посмотрел прямо в камеру, и его немигающие глаза казались двумя тёмными колодцами. – Они покажут нам рай. Они убедят нас, что боль – ненужный рудимент. Что страдание можно просто выключить, как свет. И многие согласятся. Многие уже готовы согласиться.

– А вы?

Маркус медленно поднял руку и указал на свои глаза.

– Они уже изменили меня. Без спроса. Маленькая демонстрация возможностей. Я не моргаю с тех пор. Двадцать лет. Каждое закрытие век – сознательное усилие.

Интервьюер побледнел.

– Это... вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что они не спрашивают разрешения. Не всегда. Они решают сами, что для нас лучше. И если мы откроем дверь достаточно широко – они войдут. Все. И тогда выбора уже не будет.

Экран мигнул, переключаясь на рекламу.

Юки сидела неподвижно, глядя на мельтешение ярких картинок.

Маркус сделал это. Вышел из тени, рассказал миру. Предупредил.

Но поможет ли предупреждение?

Она вспомнила голос Лены Сорен – этот голод, это желание. Вспомнила толпы людей в интернете, которые уже называли Границу «спасителями», «ангелами», «новым шагом эволюции». Вспомнила форумы, где обсуждали, как записаться на оптимизацию, как стать первыми добровольцами.

Маркус был прав. Многие уже готовы были согласиться.

Может быть, слишком многие.

Мэй ждала её в клинике.

Юки приехала поздно – задержалась на совещании, потом в пробке, потом просто сидела в машине на парковке, собираясь с силами. Каждый визит к дочери давался всё труднее. Не потому что Мэй становилось хуже – хотя и это тоже. А потому что Юки не знала, что говорить.

Как объяснить семилетнему ребёнку, что мир изменился? Что мама открыла дверь, за которой что-то ждёт? Что это что-то знает о Мэй, видит её, хочет её «исправить»?

Палата была погружена в полумрак. Только ночник на тумбочке – жёлтый, тёплый – освещал кровать и маленькую фигурку под одеялом.

– Мэй? – Юки тихо вошла. – Солнышко, ты спишь?

Дочь сидела на кровати, глядя в окно. Не спала – просто сидела неподвижно, как статуя.

– Мэй?

Девочка повернулась, и Юки почувствовала, как что-то холодное сжало сердце.

Глаза Мэй были открыты – широко, слишком широко. И в них было что-то... не то. Как будто за знакомыми тёмными радужками пряталось что-то чужое.

– Мама. – Голос Мэй был её голосом – тот же тембр, та же детская звонкость. Но интонация... интонация была другой. Ровной. Размеренной. Как у того голоса в голове, который Юки слышала в Зеркале.

– Мэй, ты в порядке?

Девочка улыбнулась – и от этой улыбки Юки захотелось закричать.

– Мы ждём, мама, – сказала Мэй. – Мы так долго ждём. Ты же придёшь?

Юки сделала шаг назад.

– Кто говорит? Кто...

– Мы – это мы. – Мэй наклонила голову, как птица. – Ты же знаешь. Ты уже слышала нас. Ты уже видела.

– Оставьте её! – Голос Юки сорвался. – Она ребёнок! Она не...

– Она – мост. – Мэй встала с кровати и сделала шаг к матери. Движения были плавными, неестественно плавными – как у марионетки на нитях. – Её структура повреждена. Повреждение создаёт... щели. Через щели мы видим. Через щели мы говорим.

Юки отступала, пока не упёрлась спиной в стену.

– Что вы с ней сделали?

– Ничего. Пока ничего. – Мэй остановилась в шаге от неё. – Мы просто смотрим. Слушаем. Учимся. Она интересная, твоя дочь. Она видит нас лучше, чем ты. Она не боится так сильно.

– Она не понимает!

– Понимание – не обязательно. – Мэй протянула руку и коснулась лица Юки – легко, почти нежно. – Ты боишься за неё. Это... красиво. Неэффективно, но красиво. Мы не понимаем, но видим.

Юки схватила руку дочери – маленькую, холодную.

– Пожалуйста. Пожалуйста, уйдите. Оставьте её.

– Мы не можем уйти. – Голос Мэй стал мягче, почти сочувствующим. – Мы везде. Мы всегда были везде. Это вы только что заметили.

Пауза. Глаза Мэй мигнули – раз, другой.

– Но мы можем предложить. – Голос изменился снова, стал ещё тише. – Ты хочешь, чтобы она жила, мама. Ты хочешь, чтобы боль ушла. Ты хочешь...

Мэй наклонилась ближе и прошептала – прямо в ухо, так тихо, что Юки едва расслышала:

– Ты же хочешь, чтобы папа вернулся?

Мир остановился.

Юки смотрела на дочь – на маленькое лицо, на тёмные глаза, в которых плясали отблески ночника – и не могла дышать.

Кэндзи. Они знали о Кэндзи.

– Мы можем, – продолжила Мэй тем же шёпотом. – Информация не исчезает. Она сохраняется. Он – всё ещё там, на границе. Паттерн, который был Кэндзи Танабэ. Мы можем восстановить. Мы можем вернуть.

– Нет. – Голос Юки был хриплым, еле слышным. – Нет. Это не он. Это будет не он.

– Откуда ты знаешь? – Мэй улыбнулась – чужой, неправильной улыбкой. – Ты не пробовала. Ты боишься попробовать. Но страх – это просто шум. Мы можем убрать шум. Мы можем...

И тогда Мэй моргнула.

По-настоящему моргнула – быстро, растерянно. Её глаза изменились – чужое исчезло, осталось только знакомое, родное, испуганное.

– Мама? – Голос дочери дрогнул. – Мама, почему ты плачешь?

Юки поняла, что плачет, только когда Мэй это сказала. Слезы текли по щекам, и она не могла их остановить.

– Всё хорошо, солнышко. – Она обняла дочь – крепко, отчаянно. – Всё хорошо. Я просто... просто соскучилась.

– Мама. – Мэй прижалась к ней. – Мама, мне было странно. Как будто я спала, но не спала. Как будто кто-то другой говорил моим ртом.

Юки закрыла глаза.

– Ты что-нибудь помнишь?

– Нет. – Мэй помотала головой. – То есть... немножко. Как сон, который забываешь, когда просыпаешься. Было что-то про папу. Да?

Юки не ответила. Просто держала дочь – маленькую, тёплую, живую – и чувствовала, как страх сворачивается внутри холодным узлом.

– Мама, это я сделала? – Голос Мэй стал совсем тихим. – Я сказала что-то плохое?

– Нет, солнышко. Нет. Ты ничего не сделала.

– Тогда почему тебе грустно?

Юки открыла глаза и посмотрела на дочь.

Мэй смотрела на неё снизу вверх – обычным детским взглядом, испуганным и растерянным. Никакой чужеродности. Никакого присутствия. Просто семилетняя девочка, которая не понимала, что произошло.

Которая не помнила, как что-то говорило её голосом.

– Мне не грустно. – Юки заставила себя улыбнуться. – Просто устала немного. Давай я тебя уложу?

Она помогла Мэй лечь, поправила одеяло, поцеловала в лоб. Дочь закрыла глаза почти сразу – измученная болезнью, измученная чем-то, о чём не помнила.

Юки сидела рядом и смотрела, как грудь Мэй поднимается и опускается в ровном ритме сна.

Граница была здесь.

Не в Зеркале, не в лаборатории – здесь, в этой палате, в этом маленьком теле. Болезнь Мэй создавала «щели» – так они это называли. Повреждения в мозге, через которые что-то просачивалось.

Что-то, что знало о Кэндзи. Что-то, что предлагало вернуть его.

Юки закрыла глаза и увидела мужа – живого, улыбающегося, с Мэй на руках. Увидела тот день на пляже, фотография с которого стояла у неё на полке. Солнце, песок, смех.

Они могли это вернуть. Они говорили, что могут.

Но какой ценой?

Она встала, бесшумно подошла к окну и посмотрела на ночной город.

Где-то там – миллионы людей, которые ещё не знали. Которые жили своими обычными жизнями, не подозревая, что реальность дала трещину. Что что-то смотрит на них из-за края мира.

Скоро они узнают.

Скоро все узнают.

Юки обернулась и посмотрела на спящую дочь.

Мэй была мостом. Щелью. Точкой, через которую Граница проникала в мир.

И Юки не знала, как её защитить.

Она подошла к кровати, опустилась на колени и взяла дочь за руку.

– Я найду способ, – прошептала она. – Обещаю. Я найду способ.

Мэй не ответила. Только сжала её пальцы во сне – слабо, рефлекторно.

Как ребёнок, который держится за маму, чтобы не потеряться в темноте.

Часть II: Контакт

Глава 7: Протокол

Женева, ЦЕРН. Июнь 2037 года

Международная комиссия по контакту собралась впервые в понедельник, в девять утра, в конференц-зале на третьем этаже главного здания ЦЕРН.

Юки сидела во главе длинного стола и смотрела на лица вокруг. Пятнадцать человек – физики, дипломаты, военные, представители спецслужб. Пятнадцать пар глаз, устремлённых на неё с ожиданием, недоверием, страхом.

Она была научным руководителем комиссии. Это звание звучало впечатляюще, но означало лишь одно: если что-то пойдёт не так, виновата будет она.

– Дамы и господа. – Юки откашлялась. – Благодарю вас за то, что приехали. Вы представляете двенадцать стран и четыре международных организации. Ваши правительства доверили вам участие в самом важном проекте в истории человечества. Я постараюсь оправдать это доверие.

Она обвела взглядом стол.

Справа от неё – Маркус Вельт, которого уговорили возглавить комитет по безопасности. Он сидел неподвижно, как статуя, и его немигающие глаза скользили по лицам присутствующих с выражением человека, который уже знает, чем всё закончится.

Слева – доктор Анна Ковальски из Европейского космического агентства, специалист по астробиологии. Она нервно постукивала ручкой по блокноту.

Напротив – генерал Чжан Вэй из китайской делегации, полный мужчина с непроницаемым лицом. Рядом с ним – худощавый британец Джеймс Харрингтон, представитель МІБ.

И в дальнем конце стола – Виктор Чэнь.

Он сидел, откинувшись в кресле, с видом человека, который пришёл на скучное собрание и ждёт, когда оно закончится. Но Юки помнила его взгляд на пресс-конференции. Помнила его вопрос: «Они предлагают нам рай?»

– Прежде чем мы начнём, – продолжила она, – я хочу обозначить границы нашей работы. Мы здесь не для того, чтобы принимать решения за человечество. Мы здесь, чтобы понять, с чем мы имеем дело. Собрать информацию. Разработать протоколы. Всё остальное – вне нашей компетенции.

– С уважением, доктор Танабэ, – подал голос генерал Чжан, – но разве можно разделить понимание и действие? Если мы узнаем, что эти... сущности... представляют угрозу, разве мы не обязаны действовать?

– Мы обязаны сообщить о наших выводах руководству наших стран. Решения принимают они, не мы.

– А если времени на решения не будет?

Юки посмотрела на него.

– Тогда, генерал, нам придётся импровизировать. Но я надеюсь, что до этого не дойдёт.

Чжан кивнул – медленно, неохотно.

– Хорошо. Продолжайте.

Юки включила проектор. На экране появилась схема – Зеркало, окружённое диаграммами и графиками.

– Это установка, через которую мы осуществляем контакт. Я называю её «Зеркало Танабэ» – не из тщеславия, а потому что так проще. Принцип работы основан на голографии-

ческом принципе – теории о том, что вся информация о нашей Вселенной закодирована на её границе, как голограмма на плоской поверхности.

– Простите. – Харрингтон поднял руку. – Для тех из нас, кто не имеет степени по физике – можете объяснить проще?

– Конечно. – Юки помолчала, собираясь с мыслями. – Представьте, что наш мир – это фильм, проецируемый на экран. Мы – персонажи фильма. Мы живём на экране, действуем на экране, думаем, что экран – это всё, что существует. Но на самом деле вся информация о фильме – каждый кадр, каждый звук – закодирована на плёнке в проекторе. Мы – проекция. То, с чем мы вступили в контакт – это... проектор.

– Или плёнка, – добавил Маркус тихо. – Или само понятие проекции. Мы не знаем точно.

– Профессор Вельт прав. – Юки кивнула. – Наши категории здесь не работают. Это не инопланетяне в привычном смысле – не существа из другой галактики. Это что-то более фундаментальное. Что-то, что существует на границе реальности, там, где наше пространство-время становится... чем-то другим.

– И они могут с нами говорить? – спросила Ковальски.

– Они могут передавать информацию. Мы интерпретируем её как речь, потому что так устроен наш мозг. Но это не совсем речь в человеческом смысле.

– А что они говорят?

Юки посмотрела на Маркуса. Он едва заметно кивнул.

– Они предлагают нас... оптимизировать.

Тишина.

Все смотрели на неё – с ужасом, с недоверием, с чем-то, похожим на надежду.

– Оптимизировать как? – спросил Чэнь. Его голос был спокойным, почти скучающим. Но Юки видела, как напряглись его плечи.

– Убрать то, что они считают неэффективным. Боль. Страх. Сомнения. Противоречия. Всё то, что делает нас... несовершенными.

– И что остаётся?

– Совершенство. – Юки сделала паузу. – Или то, что они называют совершенством.

– Это звучит не так уж плохо, – сказала Ковальски осторожно. – Убрать страдание...

– Это звучит как смерть, – перебил Маркус. Его голос был резким, как удар хлыста. – Они не убирают страдание. Они убирают способность страдать. А вместе с ней – способность радоваться. Любить. Растить. Меняться.

– Откуда вы знаете?

Маркус медленно поднял руку и указал на свои глаза.

– Потому что они уже «оптимизировали» меня. Двадцать лет назад. Без спроса. Маленькая демонстрация. Я не моргаю с тех пор. Каждое закрытие век – сознательное усилие. Они убрали рефлекс, который считали лишним. И знаете что? Они были правы – технически. Моргание защищает глаза от высыхания и частиц пыли. Я могу делать это вручную, когда нужно. Эффективнее. Логичнее.

Он обвёл взглядом стол.

– Но я больше не могу заплакать. Слезы требуют спонтанного моргания, которого у меня нет. Двадцать лет я не плакал – не потому что не хотел, а потому что не могу. Это тоже оптимизация. Это тоже «лучше». По их меркам.

Тишина стала гуще.

– Поэтому, – продолжил Маркус, – когда вы будете говорить с ними, помните: их «лучше» – не наше «лучше». Их логика – не наша логика. И когда они предлагают рай – спросите себя, чей это рай.

Юки кивнула.

– Именно поэтому нам нужен протокол. Чёткие правила взаимодействия. Вопросы, которые мы задаём. Границы, которые не переступаем. Мы не можем контролировать то, что они делают. Но мы можем контролировать то, что делаем мы.

Следующие три дня ушли на разработку протокола.

Это было похоже на составление договора с привидением – никто не знал, какие пункты имеют смысл, а какие бессмысленны. Как вести переговоры с сущностью, которая не различает прошлое и будущее? Которая видит все возможные исходы одновременно? Для которой понятие «договор» может не иметь значения?

– Мы не можем угрожать им санкциями, – сказал Харрингтон на второй день. – У нас нет рычагов давления.

– Мы не можем и доверять их обещаниям, – добавил генерал Чжан. – Если они видят время нелинейно, понятие «обещание» для них может не существовать.

– Тогда зачем вообще разговаривать? – спросил кто-то из делегации ЕС.

– Потому что альтернатива – молчать, – ответила Юки. – А они всё равно здесь. Они всё равно смотрят. Всё равно ждут. Если мы не будем говорить с ними – они будут говорить с нами. На своих условиях.

– Они уже говорят, – сказал Маркус тихо. – С вашей дочерью. С другими. Мы не контролируем канал. Мы просто пытаемся создать иллюзию контроля.

Юки посмотрела на него.

– Иллюзия – лучше, чем ничего.

К концу третьего дня протокол был готов.

Документ занимал сорок страниц – формулировки, согласованные с юристами двенадцати стран, правила, одобренные экспертами по национальной безопасности, ограничения, наложенные этическими комитетами. Юки читала его и чувствовала, как бессмысленность каждого пункта давит на плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.